

A H O H U M Y C

ГРЕБЕЛЬ
САТУРНА

АНОНИМУС

АНОНИМУС
Гибель Сатурна

«СОЮЗ»

2023

АНОНИМУС

Гибель Сатурна / АНОНИМУС — «СОЮЗ»,
2023 — (АНОНИМУС)

ISBN 978-5-6048353-1-9

Старшего следователя Следственного комитета Ореста Волина приглашают для консультаций во Францию. Здесь на границе с Италией в курортном городке Ла-Розьер обнаружено тело неизвестного мужчины, убитого весьма экзотичным способом. Способ этот не вполне понятен, но последствия его таковы, что у покойника разрушены все внутренности. Ни документов, ни телефона при покойном не обнаружено. При осмотре на теле находят след от сведенной татуировки. Ведущая дело Ирэн Белью определяет некоторые буквы как русские, после чего обращается за помощью к Волину, предполагая, что безымянный покойник мог быть русским по происхождению.

ISBN 978-5-6048353-1-9

© АНОНИМУС, 2023

© СОЮЗ, 2023

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анонимус Гибель Сатурна

© текст АНОНИМУС

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Глава первая

Мадемуазель французский ажан

Голубой «Фиат Пунто», слегка гудя мотором, бодро штурмовал горбатую асфальтовую дорогу, по обе стороны которой величественно возвышались могучие изумрудные сосны. Прямо по курсу полыхала под солнцем белым пламенем снеговая шапка ближней горы.

«Фиат» вел синьор Анджело Моретти, итальянец лет сорока с мрачноватым смуглым лицом, похожий одновременно на древнеримского легионера и на Лукино Висконти. Синьор Моретти знал об этом своем сходстве с гением кино и даже немного гордился им. Вот и сейчас двойник знаменитого режиссера нежно поглядывал в зеркало заднего вида, в котором отражался не так задний вид, как сам водитель.

– Лучше бы ты был похож на Марчелло Мастоияни, – ядовито заметила сидевшая рядом с ним синьора Моретти, большеносая худая брюнетка с лицом, слегка обезображенным чрезмерно здоровым образом жизни. – В крайнем случае – на Адриано Челентано.

– Был бы я похож на Адриано Челентано, я спал бы не с тобой, а с Орнеллой Мути, – буркнул синьор Анджело.

– Челентано не спит с Орнеллой Мути! – возмутилась синьора. – Это во-первых. Во-вторых, Орнелла Мути – старая толстая мумия. И если ты хочешь с ней спать, ты просто извращенец и маньяк. Ты еще с Тутанхамоном выпись, некрофил!

Синьор Моретти пропустил мимо ушей египетского фараона, о котором знал только понаслышке, и вернул разговор к гораздо более симпатичной ему Орнелле Мути.

– Это сейчас она корова, а лет пятьдесят назад была очень даже ничего, – Анджело слегка тормознул на пустой дороге. Он сделал это специально, чтобы благоверная клюнула своим большим носом, но при этом не расплющила его о лобовое стекло – проклятые пластические хирурги запросто могут разорить бедного итальянца.

– Пятьдесят лет? Да пятьдесят лет назад тебя и на свете не было. И смотри, куда едешь, не свиней веешь! Я просто ангел, настоящий ангел, что терплю тебя! Это все твоя пораженная Луна и слабый Меркурий, тебе надо работать над собой, расширять сознание, а не обжираться пастой с помидорами!

– А чем, по-твоему, я должен обжираться? – разозлился Анджело. – Может быть, гамбургерами? Имей в виду, Кьяра, я итальянец, и буду есть пасту, даже если все на свете жены запретят мне ее есть!

– Не смей на меня орать! – вдруг заголосила супруга.

– А ты не смей меня учить...

Синьора Моретти демонстративно сложила пальцы в мудру «знание», закрыла глаза, замычала «ом-м-м-м!» и спустя несколько секунд заговорила с необыкновенным торжеством:

– Вижу! Вижу! Я вижу...

Супруг не выдержал и ехидно осведомился, что такого увидела его благоверная, чего не разглядела за предыдущие сорок лет ее жизни.

– Я вижу, что ты исчерпал терпение небес! – взвизгнула синьора Моретти. – С тобой случится... О, я даже не решаюсь сказать! Но знай, что с тобой сейчас случится что-то страшное! Что-то чудовищное, жуткое...

– Если со мной случится что-то жуткое, то и с тобой случится что-то жуткое, потому что мы в машине, а я за рулем! – рявкнул Анджело.

Несколько секунд супруга сидела, поджав губы, потом сказала скорбным голосом.

– Останови. Я выйду.

Моретти поднял брови.

– Тебя что, укачало?

– Нет. Я просто не могу дышать с тобой одним воздухом, – вид у синьоры был трагический. – Останови, я выйду и пойду пешком.

Анджело пожал плечами: только дурак спорит с женщиной, если она решила уйти. «Фиат» сбросил скорость и съехал на обочину. Кьяра накинула на плечи желтую ветровку с красной полосой, вылезла из машины и тихо прикрыла за собой дверцу. Синьор Моретти смотрел, как она, вжав голову в плечи, медленно и сиротливо удаляется в сторону ближней горы.

Ему вдруг стало жалко жену – а что вы хотите, синьоры, столько лет вместе! Он слегка придавил педаль газа, поравнялся с супругой, открыл окно, крикнул:

– Не валяй дурака, Кьяра, лезь в машину. Через полчаса начинается твой ретрит [*Petrit* – в данном случае семинар, выездная сессия – Здесь и далее прим. автора]. Гуру тебя не похвалит, если ты опоздаешь к началу.

Синьора Моретти ничего ему не ответила и даже не взглянула в его сторону. Анджело раздраженно хмыкнул и выжал педаль газа.

Однако далеко уехать он не успел – за спиной раздался такой крик, что зазвенело в ушах.

Моретти затормозил и оглянулся назад. Кричала Кьяра, показывая пальцем в сторону ближайшей к ней сосны. Анджело сдал назад, подъехал к жене, вышел из машины. В глубине души он еще надеялся, что все это несерьезно, что это всего-навсего очередной театральный трюк вздорной женушки. Но Кьяра продолжала кричать, с ужасом глядя туда, куда указывал ее палец.

– Что с тобой?! – не выдержал синьор Моретти. – Что еще случилось, черт тебя подери?

– Там... – простионала она. – Там человек!

Она наконец отвернулась, прижалась к его груди и горько заплакала. Анджело посмотрел в ту сторону, куда только что указывал ее палец, и лицо его, мужественное лицо римского легионера, исказилось ужасом. На обочине, уткнувшись бампером в сосну, стоял оливковый «бентли». Опрокинув голову на руль, в машине сидел седовласый синьор в дорогом коричневом пиджаке. Лицо его смутно белело сквозь боковое стекло, рот был приоткрыт, широко распахнутые глаза глядели неподвижно, словно стеклянные. Судя по всему, синьор был мертв окончательно и бесповоротно.

* * *

Аэропорт Гренобля «Альпы-Изёр» встретил старшего следователя Ореста Витальевича Волина равнодушной прохладой. Безразличны были лица идущих рядом пассажиров, рассеянные физиономии пограничников, и даже таможенник ни разу не взглянул на него, пока Волин проходил контроль.

Видно было, что здесь привыкли к туристам вообще и к русским туристам в частности. Этому способствовали многочисленные горнолыжные курорты, соседствующие со старинным городом, для которого нашествия были не в новинку и который помнил еще римских цезарей. «Руссо туристо – евро привозисто», – громко заявил в самолете перед посадкой подвыпивший пассажир, настолько лысый, что недостаток волос на голове не возмещала даже густая шкиперская борода.

Можно было бы, конечно, возразить лысому, что евро везут не только русские туристы, но и любые другие, однако спорить не было никакого смысла. Тем более, что у самого Волина этих самых евро кот наплакал. По словам полковника Щербакова, приглашающая сторона обязалась оплатить все расходы, в том числе и билеты на самолет. Но обязательства обязательствами, а денег в кармане все ж таки хотелось бы иметь побольше.

Аэропорт «Альпы-Изер», вполне себе современный снаружи, изнутри, тем не менее, выглядел весьма провинциально, почти местечково. Во всяком случае с московскими аэро-

портами не было никакого сравнения. Орест Витальевич вспомнил, как в новосибирском аэропорту Толмачёво тетенька с телосложением борца-тяжеловеса торжественно вручила ему анкету, в которой, среди прочих, был и такой вопрос: «Чем, по-вашему, аэропорт Толмачёво превосходит другие мировые аэропорты?» Тогда Волин посчитал, что Толмачёво мог превзойти другие мировые аэропорты только в кошмарном сне. Однако теперь, увидев Альпы-Изер, подумал, что вот с ним-то аэропорт Толмачёво вполне мог бы посоревноваться – такое это было тихое, сонное и даже почти кроткое место.

С другой стороны, думал старший следователь, население Гренобля – чуть больше ста пятидесяти тысяч, куда, скажите, им летать? Если бы не курорты вокруг, был бы этот аэропорт обычным автовокзалом, от которого два раза в день отъезжал бы автобус в сторону границы с Италией.

Волин покинул зону прилета и завертел головой, ожидая, что вот-вот явится человек в штатском, но с характерным суровым ликом французского ажана и с табличкой в руках: «Мсье Волин, Москву» [*Monsieur Volin, Moscou (фр.) – мсье Волин, Москва*].

Однако никакого ажана тут не было – ни в штатском, ни в форме, ни даже голого. Волин с легким раздражением подумал о вечной французской необязательности. То ли дело немцы. Впрочем, и у них, говорят, в последние годы стали опаздывать поезда, так что вопрос о педантичности уже просто не стоит – быть бы живу.

Старший следователь поймал себя на том, что он сегодня как-то мрачно и критически настроен к окружающей действительности. Что, в самом деле, за конец света такой? Не явился встречающий – не проблема, сейчас найдем номер местного полицейского управления и позволим сами...

Он вытащил смартфон и начал тыкать в экран указательным пальцем с решительностью человека, брошенного посреди чужого государства почти без средств к существованию. Известно, до чего бы он так дотыкался, но тут за спиной его раздался до боли знакомый голос.

– С приездом, товарищ Волин, – сказал голос с очаровательным французским акцентом.

Он обернулся. Сумрачный вечер расцвел радугой, словно бы под потолком аэропорта кто-то запустил беззаконный салют. На Волина, слегка улыбаясь, смотрела капитан французской полиции мадемуазель Ирэн Белью, для старшего следователя – просто Иришка Белова. Изумрудные глаза, русые волосы, чуть вздернутый носик – все близкое и родное до невозможности.

– Темный шатен, глаза карие, черты лица правильные – я не ошиблась, вы действительно майор юстиции Волин?

– Иришка, ты здесь откуда?!

От радости старший следователь совершенно забыл, что находится в публичном месте и, более того, в зоне повышенной опасности. Презрев все условности, он попытался сграбастать барышню в охапку. Но мадемуазель французский ажан решительно уперлась ему кулачками в грудь и сграбастать себя не позволила.

– Но-но, – сказала она, хмурясь, – потише, тигр. Мы здесь на службе, так что будь добр, держи при себе свои длинные руки и все остальное – тоже.

– Руки – согласен, – вздохнул Волин. – Насчет всего остального не обещаю.

Ирина посмотрела на него весьма холодно.

– Давай-ка расставим все точки над «ё», – сказала она, как всегда, путаясь в русских поговорках. – Имей в виду, это я тебя сюда вызвала, ты поступаешь под мое командование, так что будь любезен, слушай и повинуйся.

Он хотел было спросить шутливо, с каких это пор майор повинуетсЯ капитану, но посмотрел на ее серьезное лицо и передумал.

Они вышли из аэропорта, дошли до автостоянки, уселись в белый Иришкин «Рено Клио». Над аэропортом тьму разгоняли сильные прожектора, а вот за его пределами ночь уже окутала окрестности теплым синеющим мраком.

– Куда едем? – осведомился старший следователь, застегивая ремень безопасности: все ж таки Европа кругом, а не российская вольница, хочешь не хочешь – блюди цивилизованный вид.

Ехали они, как выяснилось, на горнолыжный курорт Ла-Розьер.

– Горнолыжный? – удивился он. – Какие лыжи в июне месяце?

В июне, разумеется, никаких лыж там не было, но курорт все равно действовал. Только вместо лихих слаломистов и юных прелестниц сюда приезжали старички, семейные пары, обремененные детьми, и участники разных конференций.

– Научных конференций? – заинтересовался Волин.

– И научных тоже, – кивнула Иришка, – но дело не в этом. Дело в том, что рядом с курортом нашли машину, врезавшуюся в сосну, а в ней – мертвого человека. Человек был не первой молодости, так что поначалу решили, что умер он от сердечного приступа. Однако при вскрытии судмедэксперт обнаружил довольно странную картину – внутренности покойника превратились в желе.

Старший следователь на миг задумался: желе внутри человека – что-то больно экзотично. Смахивает на голливудский боевик про инопланетные вирусы. Может, просто во время аварии так сильно пострадал – при столкновении с деревом?

– Дерево тут ни при чем, – ответила Иришка и резво обогнала длинную грузовую фуру, едва не выскочив на встречную полосу. Авто, ехавшие за ней, загудели вслед, явно не одобряя лихой маневр. – Удар был очень легкий, машина просто скатилась на обочину. Более того, никаких видимых повреждений на теле покойного нет, если не считать синяка на скуле.

Старший следователь предположил, что синяк мог появиться от удара о руль. Ирина пожала плечами. Может и так, может, и о руль. Но плачевного состояния внутренних органов покойника это все равно не объясняет.

Тут мадемуазель ажан отвлеклась от темной дороги, которая плавно катилась им под колеса, и на миг взглянула на Волина. Он улыбнулся, но улыбка его тут же и растаяла: губы у Иришки дрожали, зрачки были расширены.

– Что с тобой? – спросил он с беспокойством.

Несколько секунд она молчала, глядя вперед, на дорогу, потом заговорила. Она не знает, что с ней. Она полицейский, повидала всякое, но именно эта история почему-то ужаснула ее. Этот несчастный покойник и то, что с ним сделали... Волин, конечно, может думать что хочет, но во всем этом есть что-то жуткое, инфернальное, нечеловеческое.

– Ты знаешь, я в мистику не верю. Но тут... – ее всю передернуло. – Видел бы ты его... Кто мог такое сделать с человеком?! Зачем, почему?!

Она кусала губы. В таком плачевном состоянии свою боевую подругу Волин видел в первый раз.

– Ну-ну, не волнуйся, – он положил ей руку на плечо, слегка сжал его.

Она не волнуется. Она просто не понимает, что происходит. Этому нет никакого рационального объяснения. А хуже всего, что она боится. Она, которая никогда ничего не боялась. Если честно, именно поэтому она и вызвала Ореста – чтобы не остаться с неведомым злом один на один.

Волин кивал согласно, а сам думал, что все-таки психика у женщин менее устойчива, а воображение развито сильнее, чем у мужчин. Вот потому, наверное, в полицейские и солдаты идут в основном представители сильного пола. Или, как это сейчас правильно говорить – не пола, а гендера? И, наверное, не сильного, а бородатого или еще какого-нибудь такого же толерантного...

– А кто он вообще, этот покойник? – спросил старший следователь, пытаясь хоть немного отвлечь Иришку от ее кошмаров. – Личность установили?

Оказалось, что личность они пока только устанавливают. При погибшем не имелось никаких документов, даже смартфона не было. Правда, машина оказалась с итальянскими номерами. Ирина уже послала запрос в итальянскую полицию, чтобы выяснить, кому принадлежит злосчастный «бентли».

– И кому же?

Мадемуазель ажан посмотрела на него с удивлением. Он что – оглох? Она же сказала: послали запрос.

– Да зачем запрос, – удивился Волин, – надо было просто пробить по открытым базам.

Подруга его только головой покачала. Он так и не стал цивилизованным человеком. Здесь ему не Россия, здесь нет открытых баз. А если даже и есть, то они взломанные, а значит, полиция ими не пользуется. Старший следователь махнул рукой: нет, так нет, насильно мил не будешь. Есть тема поинтереснее. Это правда, что погибший – родом из России?

Иришка кивнула. Да, на плече у него – след от сведенной татуировки. Судя по всему, буквы русские, но разобрать всю надпись она не смогла. Может быть, у Волина получится? Он улыбнулся: ладно, посмотрим, что там за буквы...

* * *

Тихий тощий прозектор, сам похожий на выходца с того света, провел их в холодильник, где хранились тела. Циклопические серые шкафы с ледяными на ощупь выдвижными ящиками издали сильно смахивали на картотеку. Вот только хранились тут не карточки и формуляры, а мертвецы, терпеливо ждавшие, когда живые выпишут их из каталога и предадут наконец вечному покою.

Волин был рассеян: он думал о том, что вчера ночью Иришка пробралась к нему в номер, но между ними ничего так и не случилось. Он только прижимал ее к себе и гладил по голове, а она тихонько дрожала, и так, дрожа, уснула у него на груди.

Все это казалось ему совершенно непонятным – мадемуазель Белью никогда не была кисейной барышней. Воля, ум и сарказм всегда были ее отличительными чертами. И вот, похоже, эти замечательные свойства совершенно ей изменили. Старший следователь терялся в догадках: что могло довести Иришку до такого состояния? Покойник покойником, но мало ли она видела их на своем веку? Чем этот конкретный мертвец оказался страшнее всех остальных?

Вероятно, на эти вопросы можно было ответить. Вот только для этого надо было увидеть все самому...

Прозектор выкатил ящик с телом и отошел в сторону, чтобы не мешать полиции делать свое дело. Волин окинул покойного внимательным взглядом. Благородная львиная грива, наполовину седая, седая же борода клинышком, большой нависающий лоб, крупный прямой нос, трагическая складка у тонкого рта. Вдоль загорелого живота тянется грубый прозекторский шов. Ноги короткие, крепкие. Тело уже начало расплываться, хотя, видимо, при жизни покойник прилагал необыкновенные усилия к тому, чтобы сохранять форму...

– Есть еще одна деталь, – внезапно сказала Иришка. – При осмотре выяснилось, что на нем было женское нижнее белье.

Старший следователь хмыкнул. Оригинально... Хотя, если подумать, это зацепка. Во всяком случае дает возможность строить некоторые версии.

– Например? – мадемуазель Белью смотрела на него устало, как будто успела смертельно вымотаться за утро. Зеленые глаза ее поблекли, казались уже не зелеными, а какими-то болотными. – Какие именно версии может предложить господин майор?

– Например, ревность, – отвечал Волин. – Его мог убить милый друг, заподозрив в измене.

Иришка кивнула: мог, конечно, мог. Однако она просит до поры до времени вслух ничего подобного не говорить. Волин не понял: почему? Потому, отвечала она, что ЛГБТ-сообщество отличается своей гуманностью, и там никто никого никогда не убивает. Никто, никого и никогда, повторила она. А если он думает иначе, то...

– Ты слышал, что такое кáнсэл кáлча? [*Cancel culture (англ.) – так называемая «культура отмены», форма остракизма, при которой человек или группа людей подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах, а также в онлайн-среде, социальных медиа и в реальном мире.*]

Конечно, он слышал. Это когда кучка обиженных судьбой болванов по смехотворному поводу травит людей, вина которых не доказана.

– Тихо, – сказала Иришка сквозь зубы, косясь на стоявшего в отдалении прозектора, – тихо, дуралей! Здесь тебе не Россия, здесь за такие слова запросто могут уволить, и другого места ты потом в жизни не найдешь.

– Ну, меня-то никто уволить не может, я тут не работаю... – начал было он, но она его перебила:

– Зато я работаю!

Иришка еще понизила голос и говорила теперь почти шепотом.

– Слушай, я не хуже тебя знаю, что сексуальная ориентация и промежуточный гендер не превращают людей в ангелов. ЛГБТ – такие же люди, как и все: могут и украсть, и убить, и вообще сделать все что угодно. Но произносить это вслух нельзя, понимаешь, нельзя! Есть у тебя такая версия – пусть, можно над ней работать, но прилюдно об этом говорить не рекомендуется. Пока, во всяком случае, версия не подтвердится фактами.

Ирина на миг умолкла, потом продолжила уже спокойнее.

– Да, мужика убили, и мы пока не знаем, кто именно. Но гораздо хуже, что мы не знаем, как его убили. Вот это бы неплохо понять в первую очередь, это могло бы нас хоть как-то сориентировать.

Волин задумался на миг. А нельзя ли для ясности глянуть, что там у покойника внутри? На все это, как она говорила, желе.

Иришка только головой покачала. Это вряд ли, покойника уже зашили, так что придется получать разрешение на новый осмотр, а это совершенно лишние хлопоты. Более того, не стоит туда смотреть, уж пусть поверит ей на слово. Если Волин на самом деле этого хочет, она потом покажет ему видео. Но ситуация от этого яснее не станет, там просто мясной холодец.

Старший следователь пожал плечами: на нет и суда нет. А что, кстати, сказал судмедэксперт? Нет ли в крови покойного следов какого-нибудь яда? Она покачала головой: никаких посторонних токсинов в организме не обнаружено. Конечно, яд мог и разложиться. Но что за яд мог разрушить человека за короткое время, при этом сохранив внешнюю оболочку и полностью уничтожив внутренности... Он не знает? Она тоже. Такие яды обычно – прерогатива спецслужб. Но если тут замешан шпионаж, дело придется передавать контрразведке...

Волин слушал ее, а сам продолжал разглядывать тело. Ага, вот, кажется, и сведенная наколка. Ну, братцы мои, тут же совсем ничего не осталось, одно бледное пятно. Впрочем, нет, видны пара букв – «И» и «А», кажется, но остальное... Секунду он думал, потом вытащил из кармана смартфон и сфотографировал татуировку.

– Потом можно будет поиграть с резкостью, – отвечал он на вопросительный взгляд Ирины. – Есть такие программы, улучшают видимость...

Она рассеянно кивнула – видимо, думала о чем-то своем. Потом вдруг сказала негромко, как бы немного стыдясь своих слов.

– Я понимаю, это глупость, конечно, но... Никак не могу отделаться от одной мысли.

– Какой? – спросил он, пряча смартфон.

– Я тут почему-то вспомнила китайские боевики. В них часто повторяется легенда об ударе отсроченной смерти...

– Это не удар отсроченной смерти, – неожиданно перебил ее Волин, который, наклонившись, осматривал тело сантиметр за сантиметром.

Он поманил пальцем прозектора, и они вдвоем повернули покойника на бок, так, чтобы видна была и спина. Удовлетворившись осмотром, старший следователь кивнул. Мертвеца вернули в прежнее положение, ящик с телом задвинули на место.

– Это не удар отсроченной смерти, – повторил Волин, снимая медицинские перчатки и протирая руки антисептиком. – От такого удара остался бы след вроде маленького синяка или темной точки. А это... это больше напоминает другую технику.

– Какую? – спросила Ирина, глядя на него снизу вверх. – Какую именно технику это напоминает?

Он кивнул прозектору, прощаясь, и они вышли из морга. Оказавшись на улице, отошли метров на двадцать от двери, от которой, казалось, веет могильным холодом. На улице, несмотря на лето, тоже было не жарко, градусов одиннадцать-двенадцать – чувствовалось, что они в горах. Волин закурил. Иришка по-прежнему ждала ответа, не сводя с него глаз.

– Не помню, как называется, – проговорил он наконец, выпуская дым и стряхивая пепел с сигареты. – В традиционных боевых искусствах есть такая специфическая штука. Суть ее в том, что удар наносится не прямо по телу противника, а через твою же собственную ладонь. То есть ее в последний момент подставляют под удар и она служит как бы прокладкой между бьющей рукой и местом, по которому бьют.

– И в чем смысл такой прокладки? – не понимала Иришка. – Удар же будет слабее.

Старший следователь покачал головой: наоборот. Считается, что благодаря подставленной ладони энергия проходит через защиту из мышц врага и напрямую поражает его внутренние органы. Может быть, этому даже есть какое-то чисто научное объяснение. Но в традиционных боевых искусствах объясняют это использованием внутреннего усилия и энергии ци. Кстати, от такого удара человек иногда умирает сразу, а иногда какое-то время еще мучается.

Мадемуазель ажан смотрела на него недоверчиво: а он-то откуда все это знает? Ну, он по молодости лет занимался тайским боксом, даже кандидатом в мастера стал. Так что кое-чего наслушался, кое-чего начитался не только в муай-тай, но и, так сказать, в смежных областях.

– Значит, ты думаешь, что его убили именно так, через руку? – Иришка хмурила брови.

Волин пожал плечами: эта версия не хуже любой другой.

– Выходит, искать надо какого-то бойца?

– Не какого-то, – поправил Волин, – а ушуиста или каратиста. Это именно их техники, другие, в общем-то, этим не владеют.

На смартфоне у Иришки пикнуло оповещение. Она вытащила телефон, провела по экрану пальцем.

– Ага, – сказала она, – установлен владелец машины. Это некий Маттео Гуттузо, 25 лет, генуэзец.

Она еще потыкала в смартфон, потом показала Волину фотографии, выпавшие по запросу в поисковике. С фотографий глядел атлетически сложенный молодой человек с зализанными назад светло-русыми волосами и сияющей улыбкой кинозвезды. На нескольких фотографиях он был в кимоно, на одной выполнял высокий удар ногой в прыжке.

– Тоби-маэ гери [*высокий удар ногой в прыжке в каратэ*], – задумчиво проговорил старший следователь, рассматривая фото. – Квалифицированно бьет, однако.

Тут же нашлось и объяснение высокой квалификации бойца. Оказалось, что синьор Маттéo Гуттúзо – обладатель третьего дана по каратэ.

Волин довольно потер руки: похоже, они на верном пути.

– Думаешь? – спросила она озабоченно. – Но если убил Гуттузо, почему он не снял с машины свои номера? Ведь вычислить его по номерам – проще пареной репы.

Волин усмехнулся – это же очевидно, неужели она не понимает? Иришка посмотрела на него сердито: не выпендривайтесь, Холмс, говорите ясно.

– Элементарно, Ватсон, – отвечал он. – Если мы возьмем этого Гуттузо за жабры, он наверняка скажет, что покойный друг попросил его дать ему ключи от машины и поехал по каким-то своим делам. По дороге с ним случился сердечный приступ, он врезался в дерево – так что с него, Гуттузо, взятки гладки. Понимаешь? А кроме того, машину можно идентифицировать не только по номерам, но и по двигателю, и по номеру кузова. Так что полиция все равно бы узнала, кто владелец. Но если бы этот владелец еще и номера снял, это бы выглядело вдвойне подозрительно.

– Кстати, что делал покойный в межсезонье в Ла-Розьер? – перебил Волин сам себя.

Оказалось, что ничего он тут не делал. Во всяком случае, никто его здесь не опознал – Иришка накануне исколесила весь курорт, показывая его фотографию всем кому можно и нельзя. Таким образом, похоже, что он даже не доехал до Розьера. Очень может быть, что его сначала убили где-то в другом месте, потом засунули в машину, довели до леса и бросили на дороге.

– А откуда он ехал? – спросил Волин.

– Со стороны Италии.

Волин кивнул. Ну что ж, это похоже на правду. Непонятно одно: если старого перца убили в Италии, почему дело расследует французская полиция?

– Потому, что все это – пока только наши предположения, – нетерпеливо отвечала Иришка. – Тело нашли на нашей территории, вот мы и расследуем.

Старший следователь затушил сигарету. Похоже, придется им ехать на родину Данте и Петрарки.

– Придется-придется, – согласилась Иришка. – Кстати, ты по-итальянски говоришь?

– Ну, как... – развел руками Волин. – Челентано слушаю, конечно.

«Гра́тье-пре́го-ску́зи-айнэ́нэ!» [*«Grazie, prego, scusi» – известная песня Адриано Челентано*] – пропел он негромко.

– Айнэ́нэ – это не по-итальянски, а по-румынски, – хмыкнула она. – Или даже по-цыгански.

– Ну, вот видишь, выходит, я еще два языка знаю – итальянский и румынский. Или даже цыганский.

Она махнула рукой – не страшно. На границе с Францией все равно все говорят по-французски. А если что-то будет непонятно, она переведет.

– Ну что, тогда в Италию? – спросил он бодро. – Здесь мы все дела закончили?

Она заколебалась. В принципе, да, все. Ну, разве что он захочет еще свидетелей допросить. Волин сделал стойку: что за свидетели? Супруги Моретти, отвечала Иришка. Именно они и обнаружили тело.

– Не знаю, как у вас, а у нас в России как раз свидетель-то и есть первый подозреваемый, – заметил Волин. – У нас даже практикуют такой процессуальный фокус. Если мы подозреваем человека, то сначала привлекаем его как свидетеля. В этом качестве он не может отказаться от показаний. А после того, как он все, что можно, расскажет, его статус меняют на подозреваемого. Или даже обвиняемого.

– Эти ваши процессуальные фокусы дурно пахнут, – Иришка бросила на него суровый взгляд. – Ты тоже такое выделял?

– Я – нет, – быстро сказал Волин, – Бог миловал, да и вообще я белый и пушистый, ты же знаешь... Но если серьезно, бывает же, что свидетель оказывается убийцей.

Иришка покачала головой: не тот случай. Супруги Моретти приехали на ретрит по духовным практикам, на который записались еще три месяца назад. Предположить, что они попутно грохнули беднягу, было бы слишком смело. Госпожа Моретти до сих пор в истерике бьется, никакие практики ей не помогают.

– Ладно, – сказал старший следователь, – верю твоему чутью полицейской ищейки. Давай тогда уже собираться, что ли – время-то не ждет.

Глава вторая

Близкое знакомство с вампиром

Маттео нервничал.

Впрочем, нет, нервничал – не то слово. Он сходил с ума, он бесился, он рвал и метал – и с каждым часом чувство это росло и расцветало пышным цветом. И, надо сказать, имелись на то серьезные причины.

Сначала во время завтрака к нему за столик подсели две юные девчушки, брюнетка и рыжая. Барышни были чем-то похожи на птичек, да и щебетали они так же беззаботно и бессмысленно, как лесные пичуги.

– Здесь занято, – сурово сказал Маттео.

Еще не хватало, чтобы Паоло увидел его в женском обществе! Старый ревнивец вполне может окончательно порвать с ним из-за такой ерунды. Тот факт, что женщины совсем не интересуют Маттео, его не убеждает. Паоло сам, что называется, стреляет из двух стволов, и в этом же подозревает всех вокруг. Слова «верность», «преданность» и «любовь», судя по всему, ничего ему не говорят.

Девчушки, однако, сурового тона Маттео не оценили, а как ни в чем ни бывало начали снимать блюда с подносов на стол. На его стол, черт бы их побрал!

– За-анято-о, – повторил Маттео, по-змеиному растягивая гласные.

Скрытая угроза в его голосе должна была девчушек отпугнуть. Но нет, ничего подобного! Эти глупые снежинки [*Поколение снежинок – термин для обозначения современной молодежи, которую отличает необыкновенная инфантильность вкупе со всепоглощающей уверенностью в своей правоте*] ничего не боятся и прямо лопаются от ощущения собственной значимости. И это не удивительно, синьоры. Они ведь не знают настоящей жизни, где все дается потом и кровью, и считают себя центром мира, хотя не способны ни на что, кроме как зависать в «Тик-Токе» или, как ядовито звал его Маттео, в «Как-Пуке».

Рыжая наконец посмотрела на него, улыбнулась, как ей казалось, очаровательно, а на самом деле страшно глупо, и прощебетала:

– Какие мускулы! Железо качаешь?

– Нет, пирожные лопаю, – огрызнулся Маттео.

Они захохотали. Нет, захохотали – не то слово. Заржали, как сельские лошади. Куда вдруг делась их ювенильность и щебетание, куда пропала вся их снежинковость? Перед ним сидели две маленьких наглых бабы; сквозь юную припухлость щек Маттео уже прозревал на них грядущий жир и отвратительные морщины, видел грядущий распад и гниение, видел грязь и тлен...

Поняв, что избавиться от наглых подростков не удастся, он молча собрал свои тарелки на поднос и пошел к другому столику, подальше от этих. Сел, расставил еду, посмотрел на часы. Почему же Паоло так опаздывает? Нализался ночью до положения риз и до сих пор не может прийти в себя? Или это такая демонстрация после вчерашнего?

Если вы спросите, что такого случилось вчера, ответ будет простой: ничего особенного. Случилось то, что иногда бывает между двумя любящими людьми. Они слегка поцапались с Паоло, после чего старый синьор выгнал Маттео из номера с голой задницей или, если вам так больше нравится, в одних трусах. Всеми виной, разумеется, дурацкая ревность его престарелого друга. Тому показалось, что за ужином здешний бармен как-то особенно томно глядел на Маттео, а тот отвечал ему взглядом не менее томным, в котором как будто даже сквозило некое обещание.

Ну, это же глупость, глупость бесконечная – иначе не скажешь! С другой стороны, как он должен был оправдываться? Наверное, надо было заявить примерно следующее:

– Ты дурак, Паоло! Меня совершенно не интересуют очаровательные юные бармены с гладкой мальчишеской кожей. Меня интересуют только старые пердуны вроде тебя, потому что у стариков много денег, а у мальчишек со стройной фигурой их не имеется вовсе!

Сами посудите, мог он так сказать? Наверное, мог, если ему жизнь надоела. Паоло, несмотря на внешнюю рассудительность, в гневе бывал страшен – такой может и пальцем в глаз ткнуть. Он рассказывал про себя, что в молодости служил в русском армейском спецназе и уж, конечно, расцарапать морду маникюром способен был кому угодно.

Вот так и вышло, что Маттео лишь слабо лепетал что-то в свое оправдание, пока Паоло ярился и орал на него. Маттео думал, что если он снимет штаны, это воздействует на друга самым благоприятным образом и приведет к установлению мира. Однако это привело только к тому, что любовник вытолкнул его из своего номера. Слава Богу, для конспирации они поселились в разных номерах, Италия до сих остается страной католиков, а тем не очень нравится, когда мужчины спят в одной постели, даже если они – родные братья.

Будучи изгнан из рая, Маттео отправился в свой номер заливать горе коктейлем. Вероятно, тем же занялся и Паоло, только пил, скорее всего, не коктейль, а чистый виски или даже водку. Однако то, что свободно мог перенести молодой атлет, видимо, с трудом давалось престарелому организму шестидесяти пяти лет от роду. Наверное, поэтому все утро сегодня Паоло провалялся в постели и даже не пришел на завтрак. Да, именно поэтому, а вовсе не потому, что решил порвать с Маттео!

Примерно так думал молодой итальянец, доедая свой завтрак, богатый белками и витаминами. Любовь – дело затратное, особенно, когда речь идет о любви к немолодым уже мужчинам. Так что, хочешь не хочешь, приходится держать себя в форме. Однако держать себя в форме ему помогала не только правильная еда, но и каратэ, которым Маттео занимался с детства и в котором достиг внушительных успехов.

Впрочем, с каратэ не все было так просто. Рослый атлет, способный один разбросать банду хулиганов, в глубине души он оставался все тем же субтильным мальчиком, которого одноклассники травили за недостаток мужественности. Последним перышком, которое сломало спину верблюда, стала попытка сверстников утопить его в школьном сортире.

Утонуть он, разумеется, не утонул, но сама затея была крайне оскорбительной. Тогда Маттео стиснул зубы и пошел в секцию каратэ. Спустя год его уже не только боялись задирать, но даже и смотреть на него косо не рисковали. Этому предшествовали стычки, итогом которых стала вывихнутая челюсть, пара сломанных носов и несколько подбитых глаз. Маттео окончательно понял, что быть утонченным и нежным – это роскошь. Настоящий мужчина может позволить ее себе, только если он выглядит грозным и могучим. И вот скрепя сердце он стал грозным и могучим. Во всяком случае снаружи.

Несмотря на некоторую природную женственность, Маттео проявил к боевым искусствам недюжинные способности и к восемнадцати годам имел черный пояс и первый дан. И это был настоящий черный пояс, а не такой, который выдается восьмидесятилетним старушкам за их красивые старушечьи глаза, а детям – за то, что они наконец научились обходиться без памперсов. Маттео неустанно взбирался вверх, получая один дан за другим, он крушил кирпичи и ломал доски, тело его укрепилось и стало похоже на закаленную сталь. Это нравилось женщинам и, что гораздо важнее, привлекало некоторых мужчин.

Маттео быстро понял, что его альтернативная сексуальность – не гримаса судьбы, а дар небес. Если правильно себя поставить, можно было зарабатывать большие деньги, просто делая то, что ты любишь. Правда, не всегда это удавалось делать с тем, кто ему нравился, но ради денег можно ведь и потерпеть, не так ли? Вот взять, к примеру, Паоло. Они с ним знакомы без году неделя, а тот уже подарил своему любовнику дорогой автомобиль. О чем, скажите, может еще мечтать молодой итальянец из бедной семьи?

Одно было непонятно во всей этой милой истории, а именно – куда подевался Паоло? Маттео вздохнул: видимо, придется идти мириться. Конечно, со стратегической точки зрения это неверно, ссору-то затеял не он, а сам Паоло. Однако стратегии стратегиями, но если Паоло уйдет к другому, Маттео придется искать себе нового покровителя. И вовсе не обязательно он будет таким же щедрым, как его русский друг.

Он поднялся на этаж, подошел к номеру Паоло. На ручке висела табличка «Не беспокоить». Когда он прошлым вечером бежал отсюда сломя голову, этой таблички не было. Скорее всего, Паоло повесил ее уже утром. Может быть, специально для него, Маттео. Подумав так, молодой человек почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

Нет-нет, во что бы то ни стало надо добраться до Паоло, надо поговорить с ним, убедить, что тот ошибается, что у Маттео даже в мыслях не было изменять ему с тем красавчиком-барменом. Вся надежда на то, что Паоло – русский, а русские отходчивы. У Паоло даже и фамилия типично русская, Маттео напрягся, вспоминая... Кажется, Абрамович. Или постоите, нет, не Абрамович. Его зовут Рабинович. Нет, и не Рабинович. Фамилия Паоло звучит как-то похоже на «стронцо» [*Stronzo (ит.) – придурок, засранец*]. Тут он, наконец, вспомнил – Корзун, Паоло Корзун, вот как его зовут.

О, Діо [*O, Dio! (ит.) – Боже мой!*], какие все-таки у русских сложные, почти непронизносимые фамилии! То ли дело итальянцы – коротко, просто и мелодично. Ардиццоне, Джерманетто, Скварчалупи, Буджардини – не фамилии, а ангельское пение. Впрочем, черт с ним, с Корзуном, пусть зовется, как хочет, лишь бы не бросал своего маленького Маттео, ведь тот уже почти влюбился в своего русского друга!

Нет-нет, Паоло не бросит его, ни в коем случае не бросит. Ведь русские – славные парни. Ленин, Троцкий, Сталин – разве стали бы они разбрасываются любовниками, особенно такими красивыми, как Маттео? Никогда! Весь мир помнит, как страстно целовался их генеральный секретарь Брежнев. Нет, русские понимают, что такое подлинное чувство, они только женщин бросают под поезда и в реку, а мужчины – их слабость и любовь. Укрепившись этой мыслью, Маттео все-таки постучал в дверь.

Ответа не было. Он подождал с полминуты, потом постучал еще раз, сильнее. Внутри царила мертвая, пугающая тишина. Почему-то ему представилось, что за дверью, среди этой мертвой тишины лежит такой же мертвый Паоло. Мертвец хочет подняться и открыть дверь, но не может, потому что смерть сковала его члены вечным параличом.

Маттео содрогнулся и отогнал идиотские фантомы. Надо мыслить логично, синьоры, иначе какой он после этого жиголо? Скорее всего, Паоло крепко спит и просто не проснулся от стука. А может быть, он залез в душ и ничего не слышит за шумом воды...

Маттео прислонил ухо к двери, но шума воды слышно не было. Кроме того, в душе Паоло обычно поет, очень фальшиво и противно, но весьма громко. А тут не было слышно и пения тоже.

Что ни говорите, синьоры, а все это было очень странно! Вспомнив евангельское речение «не стучите, если вам не открывают» [*Маттео путает, на самом деле речение звучит так: «Стучите – и вам откроется!»*], Маттео решительно повернулся и пошел к себе. Там он с гостиничного телефона набрал номер Паоло. Спустя несколько секунд он услышал, как за стеной, в комнате милого друга громко пиликает телефон. Ждал полминуты, минуту, но ему так никто и не ответил. Маттео бросил трубку, сел на кровать и обхватил голову руками.

Что же такое случилось, почему Паоло не отвечает? Может быть, все-таки произошло что-то страшное? Например, после вчерашней их ссоры у русского друга мог случиться сердечный приступ. Ведь если подумать как следует, то шестьдесят пять лет – это уже глубокая старость. Паоло вполне мог хватить инфаркт или инсульт. Но если так, то чего он, Маттео, тут сидит? Надо срочно бежать на ресепшен, пусть ломают дверь...

Тут, однако, он себя остановил. А что, если Паоло просто уехал? Может быть, он не хочет никого видеть и вообще покинул гостиницу. И тогда весь этот шум ничего хорошего не принесет – во всяком случае не принесет ему, Маттео. Впрочем, в номере Паоло или нет, узнать можно, даже не ломая дверь.

И он набрал номер мобильного Паоло. В трубке раздался сигнал соединения. Но Маттео слушал не трубку, он прислушивался к тому, что происходит в соседнем номере. Там было тихо. Следовательно, Паоло в номере нет. Он забрал свой телефон и куда-то уехал, бросив его, Маттео, на произвол судьбы на этом диком курорте. Он оставил его совсем одного, на милость дерзких снежинок, которые домогаются беззащитных мужчин и понятия не имеют о том, что такое приватность и личное пространство! И ладно бы этот мерзавец уехал по делам. Но нет, он наверняка нашел кого-то другого, кого-то, с кем он теперь будет развлекаться и кому станет дарить дорогие машины!

На телефоне у Паоло сработал автоответчик. С трудом удерживая негодование, Маттео заговорил в трубку:

– Паоло, куда ты подевался? Я жду, я беспокоюсь, я просто с ума схожу, а ты не подаешь признаков жизни. Прощу тебя, позвони мне. Нам надо поговорить! Твой Маттео.

С этими словами он повесил трубку и упал на кровать, вздрагивая от горя и разочарования...

Он безвылазно просидел в номере до самого ужина, заливая горе спиртным и, кажется, опустошил весь бар в холодильнике. Он, любивший коктейли и ликеры, теперь пил все подряд, так что, в конце концов, коктейль образовался, но уже прямо у него в желудке. Любого другого такое количество алкоголя давно бы свалило с ног, но его только раззадорило.

Ах, синьоры, невозможно передать, как ему сейчас было плохо! Надо было бы, конечно, закатить кому-то истерику, но кому и, главное, зачем? О Паоло, проклятый изменник, что ты сделал с Маттео, который так тебе верил?!

К ужину, однако, он собрался с силами, и решил, что бессмысленно сидеть в запертом номере и травить себя алкоголем. Нет, свое счастье надо ковать собственными руками и для начала – выйти к людям. Он бы и сам себе в этом не признался, но где-то на заднем плане вертелась у него сейчас нескромная мысль – пойти и хотя бы временно утешиться с симпатичным барменом.

Однако, когда он спустился в ресторан, стало ясно, что все его надежды рушатся. Вместо очаровательного бармена за стойкой хозяйничала какая-то мерзкая фурия. И то, что фурия была юна, золотоволоса и обладала сногшибательной фигурой, только усиливало отвращение Маттео. Кто бы ни захотел его соблазнить, пусть знает – он однолюб, он всегда будет верен только мужчинам!

Тем не менее, преодолевая себя, он сел за барную стойку и заказал порцию «Изумрудного бриза». Потом подумал и поправился: «Три порции». Фурия тошнотворно улыбнулась ему и начала готовить коктейль. Ее отвратительные ручонки взлетали, как огромные загорелые бабочки, она металась от одной бутылки к другой, время от времени бросая на Маттео кокетливые взоры. Но ему было так плохо, что он даже возненавидеть ее толком не мог, просто смотрел в стойку перед собой. Когда рядом с ним кто-то уселся, Маттео даже головы не повернул, боясь, что не выдержит и плюнет в физиономию незнакомцу – так отвратителен сделался ему весь мир.

– Бóна сэра [*Buona sera (ит.) – Добрый вечер*], синьор, – сказал сосед с явным акцентом. – Могу я угостить вас коктейлем?

Маттео наострил уши. Не думайте о нем плохо, не угощение привлекло его. Его привлек знакомый акцент. Он поднял голову и посмотрел на незнакомца.

– Вы русский? – спросил Маттео.

Тот улыбнулся.

– Почти. Я словак.

Ах вот оно что – словак. Впрочем, кажется, это родственные народы, и словаки, судя по всему, недалеко ушли от русских. Во всяком случае по части акцента.

– Как вас зовут? – поинтересовался Маттео, оглядывая соседа.

Коротко стриженный брюнет с приятными чертами лица, в черном костюме. Ну, костюм пусть останется упреком его вкусу, все знают, что черное в их тусовке уже давно вышло из моды. Глаза выразительные, глубокие, слегка подкрашенные. Нос с небольшой горбинкой, рот полный, чувственный. Пожалуй, фигура немного подкачала – была чуть более коренастой, чем хотелось бы. А, впрочем, какая разница – все лучше, чем мыкать горе в одиночестве.

Нового знакомого звали Владислав. Типичное славянское имя, совершенно непроезжимое для нормального человека. Во всяком случае, на хмельную голову.

– Я буду звать тебя Влади, – сказал Маттео. Они чокнулись бокалами и выпили за знакомство.

Тот, кто посчитает Маттео развратным и непостоянным только потому, что он после расставания тут же завел интрижку, глубоко ошибется. Просто он был почти уничтожен случившимся, ему совершенно необходимо было хоть какое-то утешение. Между нами говоря, он и сам не знал, насколько далеко он продвинется с этим Влади. Может быть, никуда и не продвинется: он, кажется, еще не готов к новым отношениям.

Тем удивительнее было, что уже через полчаса Маттео обнаружил себя входящим в свой номер вместе с Влади. Возможно, виной столь стремительному продвижению была любовь с первого взгляда, а может быть, он все-таки перебрал с коктейлями.

Захлопнув за собой дверь, Маттео притянул к себе Влади. Они оказались так близко, что, казалось, губы их не могут не встретиться. И, однако, новый знакомый не спешил, просто молча смотрел на Маттео с каким-то странным выражением.

– Почему ты такой бука? – капризно спросил Маттео, проводя пальцем по его щеке. – Поцелуй же меня, чего ты ждешь...

По лицу Влади пробежала странная судорога. Если бы Маттео не был уверен в своей привлекательности, он сказал бы, что это гримаса омерзения. Но Влади уже снова улыбался, и Маттео подумал, что просто не привык еще к мимике русских.

– Может быть, сначала в душ? – спросил Влади, и рука его мягко прошла по спине Маттео и задержалась на миг в самом низу.

Маттео погрозил ему пальчиком.

– Ах ты, шалун, – сказал он, – я знаю, что значит приглашение в душ!

Влади улыбался все той же застывшей улыбкой горгоны. Лицо его вдруг показалось Маттео не симпатичным, а, наоборот, отталкивающим. «Что я в нем нашел, – ужаснулся Маттео, – зачем привел в свой номер?»

Но, кажется, идти на попятную было поздно. Коктейль делал свое черное дело. Так хотелось после всех треволнений сегодняшнего дня упасть в объятия к кому-то надежному, сильному.

– Ты такой красивый, – проворковал Маттео, кокетливо помахал пальчиками и скрылся в ванной. Только дверь прикрыл не до конца, как намек и призыв.

В ванной он быстро сбросил сорочку, джинсы и белье. Нужно было срочно помыться, ему чудилось, что он в чем-то испачкался, в чем-то отвратительном и дурно пахнущем. Он даже знал, в чем именно он испачкался – это были ревность и предательство. С наслаждением он встал под душ, запрокинул голову, открыл рот. Вода текла и пузырилась, орошая лицо и заполняя рот. Грязь не просто замазала его снаружи, она проникла и внутрь него. Маттео стоял, и вода понемногу вымывала из него все черное и страшное.

Он случайно задел кран рукой, тот сдвинулся в сторону, и на него обрушился ледяной водопад. Маттео задохнулся и судорожно закрыл кран. В ванной стало тихо. Через приоткрытую дверь до него доносились какие-то странные звуки.

Маттео выглянул из ванной и обомлел.

Включив ночник, Влади торопливо копался в его чемодане. Бледный свет от ночника падал на его угрюмое лицо и придавал ему сходство с мертвецом. И тут Маттео вспомнил, где он слышал имя нового знакомого. Кто же не знает Владислава Дракулу – самого знаменитого европейского вампира... И этот-то вампир, синьоры, сейчас копается в его вещах!

– Что ты делаешь, мерзавец? – разъяренный Маттео в гневе сверкнул глазами.

Но Влади, похоже, уже нашел, что искал. В одной руке он сжимал смартфон Маттео, другой прихватил его планшет. Он выпрямился, нехорошая улыбка гуляла на его устах. Однако выйти из номера он не мог – Маттео стоял на пути к выходу.

– С дороги! – сквозь зубы процедил Влади.

Но Маттео даже не двинулся.

– С дороги, голубок! – повторил вампир, скалясь. – Убью!

И шагнул вперед. Маттео, только что готовый драться не на жизнь, а на смерть, вдруг ощутил, как ужас заполняет все его тело, как оно становится холодным и неподатливым, словно тело мертвеца...

Глава третья

Никто, кроме нас

– Ну, и куда же мы едем? – полюбопытствовал Волин, когда Иришкин «Рено» покинул окрестности Ла-Розьер.

– В Италию, – отвечала мадемуазель Белью, сосредоточенно глядя перед собой.

Нет, это-то он понял, но куда конкретно?

– Конкретно – на ближайший итальянский курорт, – сказала Иришка. – Это небольшой городок, называется Кóнье, или, по-итальянски, просто Конь.

– И далеко он отсюда, этот Конь?

– Если повезет, минут за сорок доберемся.

Мадемуазель Белью отвечала крайне лаконично, видимо, не настроена была на разговор. Но старшего следователя это не смутило.

– Почему именно туда? Почему в Коня?

– Не в Коня, а в Конье, – мадемуазель ажан поглядела на него сурово. – Он, во-первых, тут ближе всех. Во-вторых, это центр национального парка Гранде Парадизо. Переводится как Настоящий Рай.

– Я знаю, что такое парадизо, – перебил ее старший следователь, однако она продолжала, как ни в чем не бывало.

– Если убийцы и оставили следы на итальянской стороне, то правильнее всего начинать искать именно там...

Волин кивнул и углубился в свой смартфон.

Современный человек не обходится без смартфона. Для кого-то это развлечение, для кого-то – средство подзаработать, для кого-то – альфа и омега бытия. Для работника же Следственного комитета смартфон стал ценнейшим орудием, незаменимым в его деле. Приличный человек – а Волин, разумеется, был приличным человеком – смартфон использует не только для того, чтобы любоваться на полуголых красоток. Приличный человек использует смартфон еще и как лабораторию.

Пока машина Иришки катилась мимо франко-итальянских горных красот, старший следователь изучал фотографию наколки на плече покойного. На первый взгляд – пятно и пятно, но если дать программе поработать с ним, поиграть с резкостью, контрастом, цветокоррекцией, то непременно что-то начнет проявляться. Конечно, не всё, нет, но что-то обязательно проявится даже на самом смутном изображении.

Впрочем, Волину и не нужно было все, ему как русскому человеку достаточно было нескольких букв, которые ему, в конце концов, и показала программа. Буквы были такие: «Ни...то ...ро...е... ас».

Покажите вы эти буквы Шерлоку Холмсу, Эркюлю Пуаро, да хоть самой мисс Марпл – они бы ни слова тут не поняли, они бы подняли руки вверх и ушли на заслуженную пенсию. А почему? А потому что ни Холмс, ни Пуаро, ни даже мисс Марпл не жили в России и не служили в доблестной российской армии. Для старшего же следователя все стало ясно с первого взгляда.

– «Никто, кроме нас!» – возгласил Волин торжествующе. – Это ВДВ, Иришка, самое натуральное ВДВ.

– Что такое ВДВ? – настороженно спросила она.

Он только улыбнулся. Ну конечно, эмигрантка во втором поколении, она вполне прилично говорит по-русски, но о реалиях отечественных имеет самое туманное представление.

– ВДВ – это войска дяди Васи, – объяснил старший следователь.

Но мадемуазель Белью только нахмурилась. Что еще за дядя Вася? Это какой-то ваш русский гангстер или террорист?

Пришлось объяснять барышне, что вообще-то «ВДВ» расшифровывается как воздушно-десантные войска. А войска эти называются дяди Васиными потому, что был такой легендарный генерал Василий Маргелов, который много лет командовал как раз воздушно-десантными войсками. Вот в честь него иногда аббревиатуру «ВДВ» и расшифровывают, как «Войска дяди Васи».

– Понятно, – сказала она сухо, – и чем это нам поможет?

Волин удивился.

– Как – чем? Во-первых, мы хотя бы поняли, что покойный служил в ВДВ. Это раз. Судя по его возрасту, было это еще в советские годы. А значит, он вряд ли был офицером, наколки среди них не поощрялись командованием. Значит...

– Значит? – повторила Иришка.

– Значит, он был простым призывником. Это два. Мы примерно можем предположить, в какие годы он служил. Это три. Таким образом, мы сузили круг поиска.

– И насколько мы его сузили? – если капля никотина, согласно старому лозунгу, убивала лошадь, то сарказм мадемуазель Белью мог уничтожить слона.

Волин задумался. Иришка права: как ни сужай, а все равно речь идет о многих тысячах людей. Он вздохнул. Насколько проще было бы, если бы покойный набил на плече номер воинского подразделения и год службы...

– Да, – ядовито заметила Иришка, – а заодно имя, фамилию, и место рождения.

Старший следователь покосился на мадемуазель Белью. Ему не очень понравилось то, что она сказала, однако понравился ее саркастический тон. Похоже, госпожа ажан возвращается в свое нормальное состояние. И это для них очень хорошо.

– Не думала, что советские десантники носили женское белье, – задумчиво проговорила Иришка. – Все же мы у себя тут недооценивали советскую армию и ее реальные возможности. Пожалуй, ваша армия могла бы и европейцев толерантности поучить.

– Да не носили они никакого женского белья! – разозлился Волин. – Десантники разорвали бы любого при малейшем сомнении в его сексуальной ориентации. Но тут тоже есть для нас подсказка. Голубой служил в десантуре – что это значит на практике?

– Что он прятал женское белье в парашюте? – голос Иришки звучал невинно, но глаза ее смеялись.

– Смейся, смейся, – покачал головой старший следователь. – На самом деле это значит, что он не сразу стал голубым. Во всяком случае в молодости он придерживался традиционной ориентации. А вот переехав на Запад...

Иришка дернула плечом: ну, разумеется, здесь он сразу поменял ориентацию. Во всем виноват растленный Запад, по улицам которого строем ходят голубые, которых не пустили служить в советскую армию, хотя они очень хотели.

– Да хватит тебе, – поморщился Волин, – я просто сужаю круг поиска. Думаю, в Италии не так много бисексуалов из России, в молодости служивших в ВДВ.

Иришка пожала плечами. Сначала неплохо бы понять, имеет ли покойный вообще хоть какое-то отношение к Италии, или это все только их фантазии...

Так, за разговорами, они добрались до цели своего путешествия – курорта Конье.

Конье оказался очаровательным итальянским городком, одним концом лежащим на гигантском зеленом лугу, а другим взбирающимся на ближнюю гору. Волин хотел посмотреть в сети, как называются луг и гора, но Иришка заявила, что ерундой он будет заниматься в свободное от службы время.

– Уи, мон женераль, – отвечал старший следователь и добавил ехидно. – Узнаю моего маленького Бонапарта.

Мадемуазель Белью, однако, не обратила никакого внимания на его сарказм. Она задумчиво глядела на возвышающуюся над лугом приходскую церковь и размышляла, с чего начать. В городе имеется какое-то количество гостиниц, а, кроме того, наверняка есть частные дома, принимающие постояльцев. Похоже, работа предстоит большая.

Волин тут же заявил, что он человек разумный и потому не любит большой, а значит, бессмысленной работы.

– Все дороги ведут в Рим, – сказал он. – В нашем случае это означает, что начинать поиски надо с администрации города.

Это была хорошая идея, и Иришка оценила ее по достоинству.

Мэр городка, поглядев на фотографии покойного, пожал плечами и сказал, что этого мертвого синьора видит первый раз в жизни. Вероятно, им придется самим опрашивать горожан. Однако Волин, по-прежнему движимый ленью, заметил, что наверняка на сайте администрации есть чат, посвященный здешним делам и событиям. Если поместить в этот чат фото, очень может быть, что кто-то из его посетителей узнает мертвого синьора, которого, скорее всего, видел еще живым. Отдельно стоит обратить на фотографию внимание хозяев здешних гостиниц.

– А вы уверены, что он проезжал через наш город? – осведомился мэр. – У нас в национальном парке Гранде Парадизо есть еще курорты.

– Не сомневайтесь: он был тут перед тем, как его убили, – отвечал Волин.

Взгляд у градоначальника сделался тревожным. Не хочет ли господин полицейский сказать, что этого замечательного синьора могли убить прямо у них в городе?

Иришка открыла было рот, но ее упредил Волин.

– Нет, мы не хотим этого сказать, – проговорил он вкрадчиво. – Мы не скажем этого, потому что это может здорово испортить бизнес вашему замечательному курорту. Туристы станут обходить его стороной, потому что кому же интересно быть убитым во цвете лет – пусть даже и на фоне такой прекрасной природы.

– Да, да, природа у нас необыкновенная, – жалобно закивал мэр, похоже, всерьез напуганный обрисованной ему ужасной перспективой.

– Так вот, – сказал Волин, – чтобы не пострадала ни прекрасная ваша природа, ни еще более прекрасные жители вашего городка, неплохо было бы узнать, где именно проживал наш мертвый синьор в то время, когда он еще был живым.

Мэр все-таки немного поупирался, говоря, что у них тут имеется полиция и не лучше ли им отправиться прямо туда?

– Не лучше, – сурово отвечала французская синьора. – Я вашу полицию знаю, это бюрократы и лодыри.

Мэр возвел очи горé и сказал, что, видно, так распорядился Господь и Пресвятая дева Мария, а уж они вынуждены обходиться тем, что есть. Однако больше не сопротивлялся: решимость иностранных пришельцев явно произвели на него должное впечатление.

Мэр разместил фотографии в городском чате, пометив все местные гостиницы. Ответ пришел буквально через пять минут. Синьора опознала администрация гостиницы «Отель дю Гран Парадиз» [*Hôtel du Grand Paradis (фр.)*].

– По коням, – скомандовала Иришка.

Но Волин задержался еще на секунду.

– Скажите, – спросил он с любопытством, – почему у вас тут, в Италии, отели называются по-французски?

Мэр только руками развел: это же так очевидно. На итальянской стороне все немного дешевле, а французы умеют считать деньги («за грош удавятся», – прокомментировал Волин по-русски, вызвав гневный взгляд Иришки). Да, так французы ценят дешевизну и потому часто

отдыхают именно у них. Впрочем, они тут не разделяют итальянский и французский языки, лишь бы клиент был доволен.

– И это очень правильная позиция, – сказал Волин, ухмыльнувшись. – Вот это и есть подлинный интернационализм, все остальное – фейки и пропаганда.

Спустя пару минут они уже подъезжали к «Отель дю Гран Парадиз». Мадемуазель Белью остановила машину и посмотрела на Волина суровым взглядом настоящего французского ажана, утомленного вечной беготней за мигрантами.

– Скажите, Холмс, почему вы были так уверены, что наш покойник был в Конье?

Волин пожал плечами: элементарно, Ватсон. Нет, правда, он не шутит. Она ведь сама говорила, что Конье ближе всего к Ла-Розьеру. Пряча следы, убийцы работали довольно топорно. Не похоже, что они часами ездили по национальному парку, чтобы запутать полицию. Скорее всего, направились во Францию по самому короткому пути...

Он не успел договорить, как со двора гостиницы раздались дикие крики. Иришка и Волин выскочили из машины и побежали на шум. На выезде из отеля стоял мусоросборщик, рядом с ним – большой мусорный бак, возле которого застыл белый от ужаса водитель-итальянец. Но кричал не он, кричали две юные девчушки – рыжая и брюнетка. Иногда они прерывались, заглядывали в мусорный бак, закрывали глаза руками и снова начинали истошно голосить.

– Какой темперамент, – сказал Волин. – Сразу видно, настоящие итальянки.

– Темперамент тут ни при чем, – хмуро проговорила Иришка. – Они просто напуганы до чертиков.

Старший следователь и Ирина быстрым шагом двинулись к баку. Водитель, замерший возле мусоросборщика, увидев их, наконец пришел в себя и быстро-быстро что-то заговорил, указывая в сторону бака. Иришка остановила его взмахом руки и повернулась к Волину. Лицо ее было хмурым.

– Он говорит, что там человек, – сказала она. – Мертвый человек.

Старший следователь только головой покачал.

– Стой тут, – сказал он. – Я сам посмотрю.

И сделал шаг к баку.

Разумеется, она не стала стоять, а пошла за ним. Так что покойника они увидели почти одновременно.

В баке лицом вверх лежал человек в черном костюме, слегка присыпанный разным мелким мусором. Он был бледен, пухлогубый рот слегка приоткрыт, глаза бессмысленно глядели в голубые итальянские небеса, на мертвом лице отпечатались боль и страх. Правая рука искривилась так, как будто в ней не было костей, ноги были согнуты в коленях, живот надулся шаром и вываливался из расстегнутых брюк.

– Похоже, беднягу отделал тот же самый человек, который убил нашего старого десантника, – сказал старший следователь, разглядывая покойника.

Волин осторожно коснулся мертвеца. Рука его легко утонула в круглом животе убитого. Он повернулся к Иришке.

– Теперь я понимаю, что ты имела в виду, говоря про желе, – на лице старшего следователя установилось сложное выражение отвращения пополам с недоумением. – Похоже, вечер перестает быть томным...

* * *

Войдя в отель, мадемуазель ажан распорядилась всех впускать и никого не выпускать. Она действовала так решительно, что никто не посмел даже осведомиться о ее полномочиях. На входе сразу поставили двух охранников, которые смотрели на всех испуганно, но скорее умерли бы, чем выпустили кого-то из гостиницы.

Явившийся по вызову итальянский полицейский одобрил предпринятые ей меры, однако изъявил желание узнать, что тут делают рагацци франчэзи [*Ragazzi francesi (ит.) – французские ребята*].

Представитель местной полиции совринтенденте форестале или, попросту, лесной рейнджер, оказался маленьким, кругленьким и лысым и издали чрезвычайно походил на актера Денни де Вито. Вблизи, впрочем, это сходство только усиливалось.

Для переговоров им открыли номер люкс, и итальянец немедленно залез в холодильник, выставив на всеобщее обозрение упитанный зад в форменных брюках.

– Где-то здесь должна быть граппа [*Граппа – итальянская виноградная водка*], – заявил он озабоченно, – я просто уверен, она тут есть. Если, конечно, ее не выдули проклятые постояльцы. Черт побери, мы живем в Италии, а значит, запасы граппы должны пополняться постоянно. А если вдруг война, что мы будем пить – виски или, может быть, джин? Они правда считают, что люди выживут на этом иностранном пойле? Кажется, во всей Италии я один думаю о безопасности государства...

– Не очень-то он похож на полицейского, – негромко сказал Волин по-русски.

– Здесь, в Абсте [*Аоста – здесь имеется в виду автономная область Валле-д'Аоста*], своя сложная система, – также по-русски отвечала та. – Если говорить совсем просто, они тут наполовину полицейские, наполовину лесничество. Не советую вдаваться в детали, в них сам черт ногу сломит.

Наконец лесной детектив вылез из холодильника с бутылочкой чего-то бледно-желтого наперевес. И тут же устроился в самом большом кресле.

– Ваше здоровье, рагацци, – весело сказал он, отпивая прямо из бутылки. – Зовите меня просто – синьор комиссарио.

Волин подумал, что до комиссара тому как до неба, да и не станет он комиссаром никогда с такой страстью к выпивке. Вслух говорить он этого, конечно, не стал, а просто присел вместе с Иришкой на обширный кремовый диван.

– Так-так, – сказал рейнджер, изучив удостоверение Иришки, – а вы, синьор?

Волин открыл было рот, чтобы начать объяснение, но господин совринтенденте неожиданно прервал его.

– Молчите, – воскликнул он, – я все понял без слов. Я вижу вас насквозь. Gde tvoja babúshka, malchik? – внезапно выговорил он по-русски с ужасным акцентом.

– Моя бабушка давно на том свете, – сухо отвечал Волин. Его начинал раздражать этот темпераментный итальянец.

Совринтенденте погрозил ему пальцем и снова перешел на французский.

– У нас тут бывает много русских, я сразу узнал в вас русского. Кстати, имейте в виду – это совсем не комплимент.

Услышав такое, Иришка нахмурилась: что за русофобия?

– Да ладно, плюнь, – сказал Волин по-русски.

– Нет, не ладно, – она, похоже, завелась всерьез. – Говорю тебе, это русофобия. Пускай возьмет свои слова обратно.

Надо отдать рейнджеру должное: поняв, что перегнул палку, он немедленно извинился. И даже признался, что он и сам немного русский – бабушка его спаниеля, кажется, состояла в связи с русским черным терьером.

– Лучше бы он не извинялся, – буркнул Волин.

В знак своего особенного расположения к новым знакомым синьор комиссарио даже позволил звать его просто по имени: Сёрджио Пеллегрини.

– Ну, господа, так что же вас привело в Италию? – и Пеллегрини в предвкушении интересного рассказа потер пухлые ручки.

Ирина в двух словах объяснила ему суть дела. С каждой секундой тот становился все мрачнее.

– Дуэ [*Due (um.) – два*], – наконец сказал он хмуро. – Два трупа, синьоры: один у вас, другой у нас.

– Трупов может быть и больше, – безжалостно заметила Иришка. – Надо бы осмотреть номера, в которых жили Маттео Гуттузо и наш русский покойник.

Она уже знала, что человек в черном в отеле не жил, и более того, пока неясно было, как именно мог он попасть в гостиничный мусорный бак.

Осмотр номеров новых трупов не принес, однако стало ясно, что поиск идет в правильном направлении. Номер русского покойника, которого Волин и Иришка между собой для простоты звали Иван Ивановичем, был в относительном порядке, хотя кто-то явно покопался в вещах убитого. Номер же Гуттузо оказался перевернут вверх дном, налицо были несомненные следы драки.

– Перфётто! [*Perfetto (um.) – отлично, замечательно*] – вскричал Пеллегрини, поднимая вверх указательный палец. – Есть версия, синьоры и синьорины! Тут был любовный треугольник, ла сторья д'аморэ [*La storia d'amore (um.) – история любви*]. Итак, ваш Иван Иванович, являясь страстным любовником, изменил синьору Гуттузо с господином в черном. Синьор Гуттузо, будучи от природы ревнивцем, переправил старичка на ваш французский курорт в виде мертвого тела. Затем он заманил к себе черного человека и тоже отправил на встречу с предками. После чего благополучно сбежал. Дело не стоит выеденного яйца: как только мы найдем Гуттузо, можно его закрывать.

Иришка и Волин переглянулись – им дело вовсе не казалось таким уж простым. Как минимум неясно было, что именно так упорно искал убийца в номере Ивана Ивановича.

– Что искал? – синьор Пеллегрини только руками развел, так ему смешно было смотреть на этих глупых странёри [*Stranieri (um.) – иностранцы*]. – Деньги, ценности, кредитные карты – что еще ищут убийцы у своих жертв?

Волин задумался. Раньше он и сам считал, что дело в ревности. Но теперь эта версия, на его взгляд, не выдерживала никакой критики. Судя по всему, Иван Иванович был деловым человеком. А деловые люди редко выезжают из дома, даже на отдых, без ноутбука или хотя бы планшета. Однако ни того, ни другого ни в номере, ни в машине не обнаружилось. Более того, у Ивана Ивановича не нашли ни телефона, ни документов. Так же обстояло дело и с черным человеком. Интересно, что это за маньяк-убийца, который ворует у своих жертв телефоны, документы и электронные гаджеты? Может быть, дело тут совсем не в ревности?

– Не мешало бы выяснить, в каких отношениях на самом деле находились черный и наш Иван Иванович, – задумчиво сказала Иришка.

– Спустимся на ресепшен и поговорим с администратором, – решил Волин. – Заодно и видеозаписи с камер наблюдения посмотрим...

Они вышли из номера. За ними, простирая руки вслед, бежал недовольный комиссар.

– Куда вы, синьоры? Я дал вам такую прекрасную версию, а вы хотите чего-то еще. Препреждаю вас, вы все испортите!

Но они его уже не слушали, у них были дела поважнее.

Спустившись на ресепшен, они велели вызвать администратора. Администратор, трехпешущая барышня лет тридцати, смотрела на них со страхом. Она рассказала, что пожилой синьор записался к ним в отель под именем Валентино Гуччи, а молодой красавчик назвался Прадо Версаче.

– Странно, что не Ньютон и Эйнштейн, – буркнула Иришка.

– Они, наверное, не любят физику, их интересует только физиология, – заметил Волин.

Господа Гуччи и Версаче поселились в разных номерах, однако не скрывали своего интереса друг к другу. Никто в отеле не видел в этом никакого криминала.

– Мы приветствуем людей всех национальностей, конфессий и сексуальных ориентаций, – робко сказала администраторша.

– Дальше, дальше, – нетерпеливо помахала рукой Ирина.

Ну, а дальше, собственно, случилось то, что случилось. Сначала пропал пожилой синьор, а потом и его молодой друг. Десертом же этого криминального пира стал найденный в мусорном баке господин в черном. Он, очевидно, попал туда ночью, но как именно, установить было невозможно. Рачительная администраторша на ночь выключала видеозапись, поскольку, по ее словам, она занимала на диске слишком много места. К тому же ночью ведь «все равно все спят».

– Насколько я понял, господин в черном не жил в вашем отеле, – Волин смотрел на администраторшу очень внимательно.

Барышня с готовностью кивнула – нет, не жил.

– Тогда встает законный вопрос: что он делал в вашем мусорном баке?

Администраторша посмотрела на него с ужасом. Иришка незаметно толкнула старшего следователя: твои идиотские шуточки тут неуместны!

– Да я не шучу, – сказал Волин по-русски. – Я имел в виду, как он технически мог туда попасть? Баки же наверняка запираются.

Ответа на этот вопрос администраторша не знала.

Пришлось перейти к просмотру дневного видео. Даже на ускоренной перемотке это заняло около часа. Но, в конце концов, они все-таки были вознаграждены. На одной из записей покойный Иван Иванович прошел к выходу. На некотором расстоянии от него следовал тот самый господин в черном, в котором Маттео Гуттузо наверняка узнал бы рокового красавца Влади, теперь, увы, лежавшего в местном морге.

– Ага! – возликовал синьор Серджио. – Вы видите, покойник из мусорного бака идет за Иван Ивановичем. Это говорит о том, что моя версия подтверждается.

– Это говорит только о том, что может быть, черный человек следил за ним, – отрезала Иришка. – И то это не наверняка.

Пеллегрини умолк, весьма недовольный тем, что его умозаключения не принимают всерьез. В конце концов, это же Аоста, он здесь хозяин, значит, ему решать, кого и как лучше убивать.

Иришка и старший следователь переглянулись. Трупы плодятся, как тараканы, но что делать дальше?

– У нас два пути, – задумчиво проговорил Волин. – Первый – идти со стороны вероятного убийцы, личность которого нам известна. Второй – идти через убитых, личность которых еще предстоит установить. Какой выбрать?

– Рагацци, – взревел совринтенденте, – зачем выбирать?! Идти надо всеми путями одновременно. Попробуем запеленговать телефон этого Версаче...

– Гуттузо, – поправила его Иришка.

– Именно это я и имел в виду, – согласился итальянец. – Запеленгуем телефон и одновременно установим личности убитых.

Волин с сомнением покачал головой. План Серджио, на его взгляд, был невыполним. Наверняка Гуттузо уже избавился от своего смартфона.

– Как же он будет звонить? – удивился Пеллегрини. – Не знаю, как в России, но у нас в Италии уважающий себя бандит без телефона и шагу не сделает.

Телефон – не проблема, купит другой, отмахнулся старший следователь. В крайнем случае, воспользуется смартфонами Ивана Ивановича и черного – они же пока не знают, кто это. Это во-первых. Во-вторых, как Серджио намерен установить личность убитых?

– Очень просто, рагаци, – у нас имеется великолепная картотека! – итальянец пришел в необыкновенное возбуждение. – Вы слышите, картотека, а к ней прилагается сногшибательная программа по распознаванию физиономий!

Волин удивился: неужели у итальянской полиции есть картотека на всех граждан страны? Синьор Пеллегрини засмеялся: конечно, нет, но зато есть картотека на всех, кто когда-либо совершил что-то противозаконное. А этот Иван Иванович наверняка что-то совершил, потому что просто так людей не убивают, уж поверьте его опыту. Что же касается черного, так он просто вылитый мафиози, это же по лицу видно. Таким образом, не пройдет и суток, как они будут знать все и даже немного больше.

Глава четвертая

Стероидная ярость

Синьор Сильвио Капеллони с самого утра находился в прескверном настроении. Его не радовал ни его предвыборный рейтинг, ни растущие на рынке акции его предприятий, ни даже яркое утреннее солнце, бьющее прямо в окно.

– Чего ты растопырилась, шлюха? – сказал он светилу, подойдя к огромному окну, выходящему прямо на восток. – Думаешь, тебе все рады? Думаешь, только и мечтают лечь под тебя? А ты представляешь, какой ценой дается загар в моем возрасте? Ты хотя бы знаешь, что девяносто процентов рака кожи вызвано ультрафиолетовым излучением? А то, что рак кожи – это половина всех случаев рака в мире – это ты слышала? Половина, тварь! Сдохни, гадина, и не показывайся мне на глаза, пока не позову!

С этими словами он задернул тяжелую шелковую портьеру и пошел умываться. В ванной уже сутилась уборщица – стройная шатенка лет двадцати. Всю прислугу себе в дом синьор Сильвио отбирал лично. Женщин выбирал красивых и молодых, мужчин, напротив, страшноватых и в летах. Но и те, и другие должны были быть готовы исполнить любой его каприз. Исключение синьор Сильвио делал только для повара – тот мог быть каким угодно, молодым или старым, лишь бы готовил хорошо.

– Зачем тебе смазливая прислуга? – не понимали приятели, такие же миллионеры, как и сам Капеллони. – Ты и так можешь выбрать любую, самую красивую девку, зачем тебе еще и эти?

– Вы ничего не понимаете, дураки, – злился синьор Сильвио. – Я – подлинный ценитель красоты, слышали такое слово? Вот, например, ты, Джакомо, зачем ты держишь у себя дома Порденоне и Пальма иль-Веккьо, когда музеи просто завалены картинами? А ты, Карло, какого черта набил свой дом драгоценностями, если всегда можно зайти в ювелирную лавку?

Друзья посмеивались и говорили, что тут другое дело: и Порденоне, и драгоценности – это их собственность.

– Горничные с уборщицами – тоже моя собственность, – объяснял синьор Сильвио. – И я хочу, чтобы собственность эта выглядела на все сто. Ты, Карло, не покупаешь стразы, а ты, Джакомо, не держишь дома мазню этих уродцев – актуальных художников. Вот так и я. Я хочу, чтобы меня окружала красота. Последняя уборщица у меня дома должна выглядеть, как «Мисс Италия». Я хочу этого, и я плачу за это деньги. А значит, дома у меня все будет так, как я хочу, а не так как хотят всякие кретины.

– Ладно, ладно, мы поняли, – говорили друзья, – что ты разошелся, дружище?

Честно говоря, он и сам не понимал, чего он так злится. В последнее время приступы ярости настигали его все чаще. На публике он еще обуздывал их, но в узком кругу эмоции частенько выходили из берегов.

Другой бы на его месте посоветовался с врачами. Но Сильвио был не из числа слабаков, которые при первом же чихе бегут к эскулапам. Хватит того, что он принимает стероиды, потому что быть мужиком, когда тебе под семьдесят, без гормонов довольно трудно. А «Виагра» плохо влияет на сердце, не говоря уже про все остальное. Вот поэтому он и сел на стероиды, и теперь чувствует себя в сто раз лучше, чем, например, тридцать лет назад. Пусть все помнят, что он мужчина и порвет любого, кто станет у него на дороге!

Недавно, однако, Сильвио в приступе бешенства пробил головой стеклянную дверь в спальне. Ущерб, нанесенный двери, не говоря уже про голову, заставил его задуматься.

Он забил в поисковик словосочетание «неконтролируемая ярость». На него немедленно высыпались горы мусора, который заполонил сеть в последние годы. Именно за это Капеллони

и ненавидел интернет – за то, что теперь почти невозможно выудить из него толковую информацию. Все захватили безмозглые снежинки-инфанти, и кругом царит их безмозглая инфантильная писанина.

Если, например, задать вопрос: как сварить гречневую кашу, на вас выльется поток длиннейших текстов о всех вообще кашах, о том, кто их употреблял, начиная с первобытных времен, об их полезных свойствах, об их вредных свойствах, о том, с чем их лучше есть – и так далее, и тому подобное, без конца. И наконец где-нибудь внизу, петитом, будет дано глубоко-мысленное замечание, что разные каши варятся по-разному, но чаще всего их варят в кастрюле.

Примерно то же случилось и в этот раз. Однако среди разной шелухи взгляд его все-таки выцепил выражение «стероидная ярость». Так вот откуда растут ноги – стероиды! Это они – причина его перманентной злости на весь мир.

Отныне он знал правду, но легче ему от этого не стало. Что теперь прикажете делать – отказаться от гормонов? Нет, это невозможно, просто немыслимо. Если за мужественность нужно платить такую цену – что ж, Сильвио готов. В конце концов, на публике он себя контролирует, а ближнее окружение потерпит.

Примерно так думал синьор Капеллони, провожая взглядом убегающую уборщицу. Как рванула, вы только поглядите! Ничего не скажешь, прекрасная физическая форма у девки, он даже пинка ей дать не успел. Впрочем, может быть, форма тут ни при чем, это страх делает прислугу такой резвой. Тот самый страх, который в последнее время охватил всех вокруг него: от повара до охранников. Как бы какая-нибудь сволочь из obsługi не сняла его выходки и не выложила в соцсети. Нынче это совсем не ко времени. Ладно, нечего грузиться посторонними проблемами: сейчас главное – пройти в парламент, остальное приложится.

Он почистил зубы, оделся и сел завтракать в гостиную в теплой компании столов и стульев.

По телевизору шли новости. Что ж, не все так плохо, рейтинг синьора Капеллони растет, а вместе с рейтингом растут его шансы быть избранным в парламент. Парламент, как известно, – это депутатская неприкосновенность и новые возможности зарабатывать большие деньги. А ради денег Капеллони, как и все почти миллионеры, готов был продать отца родного – тем более что тот давно почил в бозе.

Впрочем, говорят, русские даже покойников умеют продавать, у них на этот счет есть руководство, написанное еще в девятнадцатом веке, называется «Мертвые души». Там один синьор за копейки скупал мертвяков, селил их на земле и потом продавал вместе с землей как существующих на самом деле. Гениально, синьоры! Вот почему все так боготворят русскую литературу – отсюда можно извлечь кучу способов обогащения. Один русский персонаж знал четыреста сравнительно честных способов отъема денег. Четыреста! Такому человеку надо было бы поставить золотой памятник и изучать его биографию в школах и университетах. Но русские слишком расточительны, они не ценят настоящих гениев, то есть тех, кто учит их бизнесу. Они думают о боге, морали, нравственности – о чем угодно, но не о деньгах.

Но синьор Капеллони – совсем другое дело! Он знает, в чем смысл жизни. Если бы вдруг явился к нему Иисус Христос и спросил бы, о чем он думает, Сильвио отвечал бы ему откровенно, как на допросе у прокурора.

– Я думаю о том, Господи, как бы заработать все деньги в мире, – заявил бы он.

– Но это невозможно, – сказал бы Иисус, – ты же понимаешь, Сильвио, что это невозможно?

– Это для тебя невозможно, – отвечал бы Капеллони, – потому что ты вообще не по этой части. А для меня невозможного нет, надо просто найти пути и методы.

Одним из таких путей был парламент и вообще вхождение в большую политику. Конечно, Иисус при всем желании не мог бы понять Капеллони. Потому что Иисуса никто никогда бы

и не выбрал в парламент – кому там нужен бедный еврей? А вот его, Капеллони, выберут, в этом не может быть никаких сомнений.

Он поглядел на часы. Ближе к полудню у него было запланировано интервью на телеканале «Рай Уно» [*Rai I* – популярный итальянский телеканал]. Оставался час до начала. Что ж, пожалуй, пора ехать – пока то да се, пока наложат грим...

В машине его уже ждала Мария. Роскошная блондинка – крашеная, конечно, а где вы найдете в Италии некрашенных? – так вот, роскошная блондинка с умопомрачительной талией, высоким бюстом, длинными ногами. Все это великолепие не так скрывало, как подчеркивало леопардовое платье, обнажавшее тонкие колени и самые стройные на свете икры.

Он сел рядом, скривил лицо в улыбке. Водитель завел двигатель, машина тронулась.

– Здравствуй, милый, – проворковала Мария. Ее синие глаза гипнотизировали его, из них исходило сладострастное пламя. – Как спалось?

– Без тебя – плохо, – отвечал он галантно.

– Так в чем же дело, все в наших руках, – улыбнулась Мария.

Он вдруг почувствовал, что его корежит. Господи, Мария! Блудницу зовут так же, как Пречистую Деву. С другой стороны, была же и другая Мария, которая Магдалина, тоже девушка не самой высокой нравственности. Правда, Магдалина раскаялась в грехах, а эта, которая сидит с ним рядом, не раскается никогда и ни за что. Ну, разве что гонорар ей платить перестанут.

– Ты русская? – внезапно спросил он.

Она сузила глаза.

– Почему ты так решил?

– Не важно. Какой твой настоящий цвет волос?

Она помолчала. Он что же, хочет узнать все ее тайны?

– Отвечай на вопрос! – он схватил ее за руку.

Она выдернула руку, посмотрела на него сердито.

– О таком девушек не спрашивают...

– А я спрашиваю!

Мария отвела взгляд и, глядя в окно, негромко осведомилась: может быть, она ему не нравится? Может быть, ей лучше уйти? Он засмеялся злорадно: куда это она уйдет на скорости пятьдесят миль в час? Впрочем, если ей так хочется, то, пожалуйста, пусть выходит. Вот только он торопится и машину останавливать не станет. Зато может придержать дверцу, чтобы ей удобнее было катиться по асфальту.

Мария молчала, по-прежнему глядя в боковое окно. Молчал и он, пытаясь понять, сказал ли все это он сам, или в нем говорила стероидная ярость.

Спустя минуту она включила смартфон и надела наушники. Сильвио смотрел на барышню и понимал, что ему ее совсем не жалко. Он платит ей бешеные деньги, она должна терпеть все его прихоти. Если ей не нравится, пусть пойдет поищет себе клиента на панели.

– Я не проститутка, – негромко сказала Мария, по-прежнему не глядя на него.

А кто же она? Нет, синьоры, посудите сами – кто она такая, если не проститутка? Вы говорите – эскорт? Не смешите его, он не любит дешевого цирка. Эскорт – это просто слово, его выдумали, чтобы слупить с клиента побольше денег. Если Сильвио пожелает, он может взять ее прямо тут, в машине – и никто его за это не осудит. Человек – товар, пора бы уже всем это понять. Он может продаваться за большие или маленькие деньги, но, независимо от этого, любой человек должен быть хорошим товаром, в этом его функция и смысл жизни.

– Значит, ты тоже товар? – спросила она неожиданно.

Он на миг задумался, потом покачал головой. Нет, он не товар. Может быть, когда-то, на заре карьеры, его тоже покупали и продавали, но теперь он стоит на вершине, теперь он

сам покупает и продает. Но чтобы достичь этого уровня, ему пришлось много поработать, да, очень много. И работа продолжается, потому что совершенству нет предела.

Они подъехали к зданию телеканала, чья крыша была увенчана загадочной авангардистской дулей. Эти актуальные художники никак не уймутся, они всю Италию загадили своей фигней! Взять бы их всех да отправить на пожизненные общественные работы.

– Сиди в машине, жди меня, – велел он Марии.

Вообще-то он хотел выйти с ней в люди, похвастаться новой спутницей, однако рассудил, что не стоит слишком уже мозолить глаза избирателю роскошью, пусть даже роскошью этой оказалась женщина. Он еще не знает, сколько Мария продержится рядом с ним, а менять подруг посреди предвыборной кампании – дурной тон. Так что пусть до поры до времени не высовывается.

Она вытащила наушники из ушей, смотрела на него как-то странно.

– Что? – спросил он раздраженно. – Хочешь мне что-то сказать?

Она покачала головой: нет, ничего. Иди, милый.

В здание он заходил с каким-то странным чувством. Казалось ему, что Мария узнала о нем что-то важное, узнала, но решила ему не говорить. Ну, и черт с ней, обойдемся как-нибудь.

На первом этаже его уже ждала редактор программы, небольшая, пухлая, похожая на мышь женщина лет сорока, типичная домохозяйка. Понять невозможно, как только таких пускают на телевидение? С другой стороны, она ведь не показывается в кадре, так что, наверное, можно. Хотя, конечно, его чувство прекрасного такие бабы оскорбляют.

Наверху его взяли в оборот гримеры. Над ним трудились сразу двое – томный молодой человек и девушка неприметной наружности. Молодой человек смотрел, оценивал и командовал, девушка исполняла. Синьор Капеллони подумал, что это правильный порядок вещей: мужчина указывает, женщина слушает и повинуется. Вот только мужика надо было подобрать нормальной ориентации. Впрочем, какой нормальный мужчина захочет работать гримером?

От мыслей своих он очнулся уже в студии, когда на экране под музыку высветилась телевизионная заставка. Дождавшись, пока джингл затихнет, ведущая, блондинка с длинным лицом и ослепительной улыбкой, поприветствовала Сильвио.

– У нас в студии – кандидат от партии «Лига Севера», финансист и предприниматель Сильвио Капеллони, – объявила она. – Впрочем, представлять вас мне кажется излишним. Наверное, нет человека, который бы не знал, что вы баллотируетесь в парламент.

– Да, – улыбнулся Сильвио, – эта новость дошла даже до меня.

Зрители в студии засмеялись.

– Какие цели вы ставите перед собой, идя в политику?

– Если я скажу, что хочу сделать Италию самой богатой и процветающей страной, а народ – самым счастливым на свете, вы, конечно, мне не поверите. Но... – тут Сильвио развел руками, – больше мне нечего сказать. Я патриот Италии и действительно хочу, чтобы она была богатой, а ее народ был счастливым.

– Хорошо, – отвечала ведущая, и улыбка на лице ее погасла, – в таком случае, как вы прокомментируете последние новости?

Капеллони насторожился: какие еще новости?

– Только что информагентства сообщили, что против вас заведено уголовное дело.

Сильвио на миг онемел. Против него? Уголовное дело? Что за бред?! Оказалось, его обвиняют в подкупе государственных чиновников с целью предоставить его компании преимущество при закупках продовольствия для итальянской армии.

Сильвио засмеялся.

– Моя компания? – сказал он. – Единственная кампания, которая меня сейчас интересует, это предвыборная. Что же касается закупок продовольствия, то это дело строго контролирует государство.

– Вас как раз и обвиняют в том, что вы подкупили государственных служащих, – ведущая смотрела на него, не отрываясь, и он неожиданно заметил, какое у нее злое и стервозное лицо.

В голове у него сделалось пусто, он даже забыл, как зовут ведущую. В самом деле, как? Даниэла? Лючия? Больше всего сейчас ему хотелось сказать: эй, Даниэла, не суй свой длинный нос в серьезные дела, иди домой, найди себе мужчину и нарожай детей. Но этого, конечно, сказать никак нельзя, феминистки уничтожат его в один миг.

– Я не могу это всерьез комментировать, – наконец выговорил он. – Вероятно, это проiski моих врагов. Они не могут справиться со мной в честном бою и выдвигают бредовые обвинения.

– Иными словами, вы утверждаете, что ваши враги коррумпировали прокуратуру, и она выдвинула против вас заведомо ложное обвинение? – глаза ведущей были холодны, как сталь.

Сильвио снова засмеялся, впрочем, уже не так уверенно. Он хочет сказать, что все это только журналистская утка, фейк.

– Вряд ли это фейк, – заметила ведущая. – Вы понимаете, что вас обвинили в чрезвычайном серьезном преступлении?

Кровь плеснула ему в голову, и мозги начали медленно закипать. Спокойно, Сильвио, спокойно, это провокация, нельзя поддаваться. Однако в студии уже стоял гул, публика что-то выкрикивала. Капеллони расслышал даже слово «мафиозо». Он почувствовал, что сердце его забилося в груди гулко, как молот.

– Вы говорите – мафия? – он возвысил голос. – Кто-то тут назвал меня мафиозо. Пусть этот человек встанет во весь рост и повторит это обвинение мне в лицо.

Какой-то парень в растянутой черной водолазке поднялся со стула и крикнул:

– Я назвал вас мафиозо и готов повторить это обвинение следом за генеральным прокурором!

Сильвио побагровел от ярости. Он не ждал, что на вызов его откликнется какой-то хипстер, у которого молоко на губах не обсохло.

– Так значит, по-вашему, я – мафия, – медленно начал Сильвио. – Но что вы знаете о мафии? Все ваши знания об этом предмете исчерпываются голливудскими фильмами и итальянскими сериалами. Вы увидели Микеле Плачидо в роли комиссара Каттани и Аль Пачино в фильме «Крестный отец» и думаете, что узнали о мафии. Так я скажу вам вот что! Мафия – это воры, убийцы и насильники, мафия – это раковая опухоль в теле нашего государства. Она пустила свои метастазы везде, начиная от полиции и прокуратуры и кончая правительством. И я иду в политику именно затем, чтобы снести продажных чиновников и избавить мой народ от мафии раз и навсегда! Я законопослушный гражданин, я борец с коррупцией, а из меня лепят синьора Берлускони. Я благодарю Бога, что моя мать не дожидая до этого страшного мига, когда продажные чиновники восстали против меня, чтобы погубить ростки свободы и справедливости, которые я несу моей родине. На моей стороне нет никого. Вы слышите – никого! Только простые итальянцы, только народ. Но, скажу я вам, этого достаточно, чтобы победить многоголового дракона, которого все мы знаем и которого зовут мафией. Да здравствует справедливость, да здравствует закон! Голосуйте за партию «Лига Севера» и за ее кандидата Сильвио Капеллони!

Громокипящая речь синьора Сильвио неожиданно для всех даже снискала растерянные аплодисменты. Используя момент, Капеллони объявил, что вынужден срочно покинуть студию – и благополучно ретировался. Да, он одержал моральную победу, но, черт побери, что там еще за уголовное дело, откуда оно взялось и что вообще происходит?

Этот вопрос он, естественно, задал своему адвокату, Гвидо, едва только вышел на улицу.

– Происходит именно то, что ты слышал, – голос Гвидо по телефону звучал крайне хмуро, но, может быть, причина заключалась в плохой связи. – Я делаю все возможное, чтобы выяснить обстоятельства и как-то повлиять на ситуацию, но на всякий случай будь готов ко всему.

Будь готов ко всему? Он должен быть готовым ко всему, когда до палаты депутатов осталось буквально два шага? В ярости Сильвио едва не швырнул смартфоном в пробегавшую мимо собаку. Его удержали не приличия, а мысль, что ударенные телефоном собаки иногда очень больно кусаются.

Шофер распахнул перед ним дверь его роллс-ройса, и он увидел сидящую на заднем кресле Марию. Сидела она смирно, как школьница, и глядела на него широко открытыми глазами. Обида, влечение и стероиды смешались в его голове в какой-то вулканический коктейль, и он едва не набросился на нее прямо тут, в машине. Но страх, что вездесущие папарацци и блогеры могут быть рядом и снимать все, что он делает, остановил Сильвио.

Он плюхнулся на сиденье и скомандовал шоферу:

– К ней домой!

Мария слегка повернула к нему голову. На лице ее блуждала снисходительная улыбка. «Вот видишь, – как бы говорила эта улыбка, – что бы ни думали вы, мужчины, последнее слово всегда за нами».

Он никак не отреагировал на ее наглую ухмылку, спросил только, почему она не сказала, что на него завели уголовное дело. Она ведь наверняка прочитала это в новостях, пока сидела, уткнувшись в свой гаджет.

– А ты не спрашивал, – отвечала Мария, очаровательно улыбаясь. – И потом, я думала, ты знаешь. Я думала, поэтому ты такой злой.

Он снова промолчал. Ничего, сейчас они доедут до ее дома, и он покажет ей, что такое настоящая стероидная ярость.

Мария жила в Треви, на виа дель Мортаро [*Via del Mortaro – римская улица в районе Треви*]. Она снимала двухкомнатную квартиру в симпатичном пятиэтажном доме. Поскольку они были знакомы без году неделя, Сильвио еще ни разу там не бывал. Будет любопытно посмотреть, как выглядит гнездышко дорогой куртизанки русского происхождения. В том, что она русская, он уже не сомневался, хотя говорила она без акцента. Но это не удивительно: итальянский очень простой и ясный язык, только конченный идиот будет говорить на нем с акцентом, тем более если он живет в Италии.

Квартирка оказалась на удивление банальной и, как бы это сказать, лишенной всякой индивидуальности. Вся индивидуальность, вероятно, была скрыта в шкафах, запертых на ключ, как будто там прятались не платья и разные женские безделушки, а некое сверхсекретное оружие, благодаря которому Италия если и не победит в третьей мировой войне, то, по крайней мере, сильно попортит прическу своим врагам.

Мария расстелила постель и побежала в душ. Ожидая ее, Сильвио успел раздеться и осушить бокал мартини, которое вытащил из бара. Врачи, правда, не советовали совмещать гормоны и выпивку, ну да что они понимают, эти врачи! Многолетняя привычка совмещать выпивку и любовь сильнее любых предписаний.

Мартини был сухим, и он поморщился: Сильвио любил сладкое, а не кислое. Но нынешние женщины исключают из своей еды любые сахара и жиры, лишь бы сохранять жилистость и костистость, которую они почитают за подлинную красоту. Мария, впрочем, не была ни жилистой, ни костистой, только стройной, а в некоторых местах ее формы можно было назвать даже пышными. Таким образом, в смысле фигуры она казалась большей итальянкой, чем сами итальянки.

Он включил телевизор, пощелкал пультом, ища эротический канал. Канал никак не находился – Сильвио даже удивился немного. Что за дешевое пуританство, Мария – жрица любви, у нее должны быть эротические каналы, а иначе как возбуждать клиентов? Ну, ему-то никакого дополнительного возбуждения не нужно, он человек старой закалки, а вот эти нынешние слабосильные хипстеры без поддержки и шагу не ступят.

– Что ты ищешь, милый? – Мария появилась в комнате почти неслышно. Она стояла с распущенными волосами, прижав к груди белоснежное полотенце, глаза ее были широко раскрыты, как у ребенка.

– Ищу канал с голыми девками, – сухо отвечал будущий депутат. – Ищу и почему-то не нахожу.

Она удивилась: зачем ему какие-то девки? Разве ему недостаточно ее, Марии?

– Сейчас увидим, – и Капеллони потянул ее в постель.

Гормоны действовали безотказно, Сильвио чувствовал себя на тридцать лет моложе. Она содрогалась под его натиском, кусала губы, вытягивалась, впивалась ногтями ему в спину, стонала – словом, вела себя, как образцовая самка.

Спустя пятнадцать минут они сделали небольшой перерыв.

– Ты лучший мужчина в моей жизни, – сказала она, положив голову ему на грудь.

Сильвио догадывался, что она говорит так всем своим клиентам, но все равно было приятно. Он лежал, а сердце все продолжало бухать у него в ушах и никак не могло успокоиться, как будто он бежал стометровку. Ему было как-то жарко и душно, хотелось на воздух.

– Надо выпить, – решил он. – Только не эту кислую гадость, от нее живот болит и тянет блевать.

Мария открыла шоколадный ликер, разлила по рюмкам, одну взяла себе, другую поднесла ему.

– За тебя, – сказала она.

– За меня, – согласился он.

Они осушили рюмки. Он попросил еще. Она налила. Он снова выпил и упал на кровать прямо на спину. Лежал, глядя на нее остановившимся взглядом. Она забеспокоилась.

– Что с тобой, милый? Тебе нехорошо?

– Я в порядке, – прохрипел он. – Давай еще раз, сзади.

Он полез на нее, стал пристраиваться, но покачнулся и повалился в сторону.

– Я в порядке, – проговорил он снова, но лицо его налилось кровью, побагровело, стало отливать фиолетовым. Он громко дышал и беспорядочно двигал руками.

– Милый, что с тобой?

– Тошнит, – сказал он, – жжет в груди...

И потерял сознание.

* * *

Спустя два часа Мария вышла из такси на Виа дэлле Скудерие [*Via delle Scuderie* – одна из улиц римского района Треви]. Не оглядываясь по сторонам, решительно вошла в дверь под лаконичной вывеской «Венере стар» [*Venere star* (ит. – англ.) – звезда Венеры]. Кивнув охраннику, молча прошла на второй этаж. Тут она оказалась перед железной дверью, нажала на вызов, и дверь, загудев, открылась. Сразу за дверью за столом сидел еще один охранник, за ним простирался длинный, плохо освещенный коридор, по обе стороны которого шли коричневые, отделанные под мореный дуб двери.

Не останавливаясь, Мария прошла мимо поста охраны и, не стучась, открыла вторую дверь справа.

Она оказалась в просторном светлом офисе, с парой кожаных белых диванов, тремя такими же белыми креслами, несколькими стульями, белым шкафом и огромным письменным столом, за которым сидел чрезвычайно серьезный человек. Точный возраст серьезного определить было непросто – где-то между тридцатью и сорока. На нем был бежевый свитер из последней коллекции Баленсиаги, черные джинсы и очки в массивной черной оправе. Темные волосы были аккуратно уложены и выглядели прилизанными, лицо казалось незначительным и

ничего не выражало. Если бы не Баленсиага, можно было бы подумать, что перед вами – клерк самой мелкой руки или профессиональный шпион, главным достоинством которого является незаметность.

Однако, когда он поднял взгляд на Марию, глаза его сверкнули. Она молча села напротив на диван, закинула ногу на ногу, обнажив не только колени, но и бедро с необыкновенно соблазнительной линией, вытащила из сумочки пачку тонких дамских сигарет, закурила.

– Здесь не курят, – бесцветным голосом сказал клерк.

– А я курю, – отвечала она и пустила дым прямо ему в лицо. – После скотов, которых ты, Романо, мне подсовываешь, мне надо бы дымить, как паровоз, и пить, как пожарная лошадь.

Романо помолчал несколько секунд, потом достал пульт и включил кондиционер.

– Насколько я понимаю, миссия закончилась успешно, – сказал он, кладя пульт себе прямо под руку, как будто это был не только пульт, но еще и пистолет, из которого при случае можно было застрелить некстати явившегося врага.

– Что считать успехом, – отвечала она, и Романо заметил, что сигарета у нее в руке подрагивает.

– Что случилось? – он встал из-за стола, поглядел испытующе. Теперь он уже не был похож на клерка, в нем появилась какая-то пугающая сила.

– Случился обширный инфаркт, – сигарета в ее руке задрожала сильнее. – Не у меня, разумеется – у клиента. Я вызвала «скорую», но слишком поздно. Мерзавец дал дуба в приемном покое.

– Ну, а задание? – спросил Романо негромко. – Задание ты выполнила?

Мария посмотрела на него с неожиданной злобой.

– «Задание»! – передразнила она его. – Ты думаешь только о своем вонючем задании! А мне на хвост сели сбёрро [*Sbirro (ит.) – прозвище итальянских полицейских*], по факту смерти завели уголовное дело. И, будь уверен, копать они будут серьезно. Мультимиллионер, шишка в «Лиге Севера», кандидат в депутаты умирает после визита к какой-то девице, которой не знает никто, кроме его шофера. Ты не видишь тут ничего подозрительного?

– Значит, задание ты не выполнила, – подытожил Романо, будто не замечая ее тихой истерики.

– Все я выполнила, – она неверной рукой вытащила из сумочки небольшой сверток и сунула его собеседнику. Тот улыбнулся с явным облегчением.

– Ну вот, – сказал он, – значит, все в порядке.

– Ничего не в порядке! – закричала она и швырнула в него сигаретой. – Ты что, не слышишь? Клиент мертв! Полиция доберется до меня и будет трясти, как грушу. Мне нужны документы на другое имя и мне нужны деньги. Тогда я уеду отсюда и не вернусь, пока дело не закроют.

Несколько секунд он смотрел на нее, не отрывая глаз, и, видимо, о чем-то думал. Потом кивнул. Она права. Ее нужно спрятать. Иначе под ударом окажется все предприятие. Тогда вот что...

Он написал на стикере адрес, вытащил из кармана и вручил ей ключ от квартиры.

– Пойдешь сейчас туда. Закройся изнутри, никуда не выходи и никого не впускай.

– Что это? – спросила она, забирая ключ и адрес. – Конспиративное гнездышко для девушек в беде?

– Это представительская квартира, – сухо отвечал Романо. – Но она будет твоим убежищем до тех пор, пока я не подготовлю все необходимое, чтобы тебя обезопасить. Когда все будет готово, я приеду и позвоню условным сигналом, вот так.

И он простучал по столу несложный сигнал. Она криво улыбнулась: что ж, спасибо за гостеприимство. И направилась к двери. Но Романо остановил ее.

– Телефон, – сказал он, протянув к ней ладонь.

Она посмотрела на него с изумлением.

– Телефон, – повторил он и объяснил, что, раз полиция знает ее имя, она наверняка знает и номер ее телефона. А это значит, всегда может ее отследить.

Она растерялась – а что же она будет делать одна в пустой квартире без телефона?

– Посмотри телевизор, – отвечал он нетерпеливо, – послушай радио, почитай книги, поставь диск с фильмом.

– А можно мне поиграть на твоём компьютере?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.